

Яд

ВИКТОРИЯ
КОРОЛЁВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Опасные связи

Виктория Королёва

Яд

«Автор»

2026

Королёва В.

Яд / В. Королёва — «Автор», 2026 — (Опасные связи)

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сцена, софиты, аплодисменты. Моя жизнь красивая
обложка. А под ней дорогой парфюм и кровь на пуантах. Монстры бывают
разными: агрессивными, дикими, любящими. Я хотела танцевать, но вместо
этого меня бросили в ад. Тут не спрашивают слабых. Любовь? Я в неё не верю.
Я её боюсь, потому что она тоже бывает разной. ОДНОТОМНИ

© Королёва В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктория Королёва

Яд

Дисклеймер

Все персонажи, события, организации и локации, описанные в данном произведении, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми (живыми или умершими), компаниями, государственными органами, учреждениями культуры и иными объектами случайны и не имеют цели кого-либо оскорбить или дискредитировать.

Упоминания конкретных театров, должностей, творческих профессий и внутренней кухни балетной труппы представляют собой художественный вымысел автора и не являются документальным отражением деятельности каких-либо реальных организаций.

Текст содержит сцены физического и психологического насилия, сексуального характера, нецензурную лексику (в рамках художественной речи персонажей). Произведение предназначено для читателей старше 18 лет.

Автор не пропагандирует насилие, жестокость, противоправное поведение или криминальный образ жизни. Изображённые события служат сюжетными элементами психологической драмы и не могут рассматриваться как руководство к действию или одобрение описываемых поступков.

Книга является художественным произведением, не содержит призывов к экстремизму, разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной розни, не нарушает нормы законодательства Российской Федерации.

Любое использование текста (полностью или фрагментарно) без письменного разрешения правообладателя запрещено.

Пролог

– Диана Альбертовна?

Мужской голос разрезает тишину. Вздрагиваю от неожиданности, пальцы сильнее вжимаются в край стола. В зеркале – моё лицо, с идеальным сценическим макияжем, но глаза пустые... мёртвые. Не сразу оборачиваюсь, растягиваю реальность, пытаюсь хоть как-то себя собрать воедино.

Медленно поднимаю взгляд – в дверном проёме курьер. Серо-жёлтая куртка, папка в руках, кепка надвинута на глаза.

– Да, вы кто?

– Вам доставка.

Доставка.

Слово оседает внутри пудовым камнем. Холодно... Сердце делает один глухой удар – не от любопытства, от предчувствия. Кожа на покрывается мурашками, они расползаются как плесень – быстро, беспощадно, болезненно. В груди сжимается, но знаю, к чему всё идёт.

Отворачиваюсь к зеркалу – смотреть на курьера невыносимо.

– Расписаться нужно?

– Нет, не обязательно. Могу тут поставить?

Киваю.

Мне всё равно. Это ничего не значит... Я чувствую остры приступ отвращения. Как тогда, как всегда...

Тихий шелест, приглушённый стук, щелчок закрывающейся двери.

Мы остаёмся вдвоём: я и то, что он принёс.

Пальцы сильнее сжимаются на столешнице. Опускаю голову, делаю короткий вдох, потом ещё один. Я хочу содрать с себя кожу, вывернуться наизнанку, лишь бы не чувствовать, как по спине пробегает дрожь: болезненная, мерзкая, знакомая.

Он.

Конечно, это от него. Кто ещё. Он снова был в зале и смотрел... Он постоянно смотрит и ...

Зажмуриваюсь, запрещаю себе вспоминать.

Я хочу это прекратить – разрубить, окислить, испепелить. Всё сразу! Вплоть до навязчивой тени, которая держит меня за горло! Его уверенность, его приказы, его действия.

Ненавижу...

Нервно шарю ладонями по столику, перед глазами муть, но я всё равно безошибочно нахожу флакончик со средством для снятия макияжа. Наливаю слишком много – жидкость мгновенно пропитывает диск, просачивается на пальцы, холодная, липкая. Тянусь к лицу, чтобы стереть с себя эту сценическую маску, но... останавливаюсь.

В зеркале не только я... там огромная корзина тюльпанов.

Тюльпаны...

Смотрю на корзину, а внутри поднимается тошнотворная волна. Мурашки на спине становятся гуще, ключица сама собой сворачивается.

Не розы и не ромашки... тюльпаны...

Странно... Он всегда присылает крупные ромашки... Те самые, от которых уже давно хочется не улыбаться, а мыться.

Ромашки – это его символ. Его подпись. Как клеймо...

Ненавижу...

Ненавижу свою предсказуемость, ненавижу, что он знает, как надавить, чтобы я почувствовала, ненавижу, что даже без него рядом я всё равно живу в оглядке на него. Гори в аду...

Оборачиваюсь, смотрю в упор. Шаг, ещё шаг. Они пахнут... не ненавязчиво, очень нежно. Опускаюсь рядом - колени стукаются об пол, но я почти не чувствую боли.

Смотрю.

Тюльпаны действительно красивые. До абсурда. Сочный зелёный, плотные стебли, тугие бутончики странного, глубокого оттенка – не просто розовые, а с фиолетовым отливом. Я таких не видела...

У кого-то это должно вызвать восторг, но меня отвращает. Они прекрасны... но их портит отправитель своими руками, деньгами, властью.

Я не имею права радоваться этим цветам. Перед самой собой не имею! Мне тошно от одной мысли, что он где-то там улыбнулся, нажимая кнопку «оформить заказ», что он рассчитывает на мою реакцию.

Красивые малыши...

Закрываю глаза, сжимая зубы до хруста. Нет. Никакой нежности. Не сейчас. Не к тому, что связано с ним.

Вдох-выдох. Вторая попытка.

Скольжу взглядом по зелени, лепесткам, изгибам, и чувствую, как во рту скапливается желчь.

Слева, почти у самой кромки, замечаю маленькую открытку. Белый прямоугольник.

В горле першит. Мне не хочется её трогать. Я уже «знаю», что там за почерк... округлый, с претензией на каллиграфию. И фразу написанную тоже знаю... их всего несколько и все они выжжены на моей сетчатке навечно.

Тяну время. Секунду. Две. Три.

Пальцы сжимаются. Он обязательно спросит, что там было и если я не отвечу...

Я не хочу знать... я не хочу.

Ненавижу! Ненавижу!

До липких мурашек, до дрожи в теле, до спазма в животе! Не-на-ви-жу!

Пальцы тянутся к маленьком листочку. Бумага шуршит, а я рывком переворачиваю, чтобы в ту же самую секунду обомлеть. Там, на маленьком клочке глянцевого бумаге написано будто бы бегло:

«Улыбнитесь, вам очень идёт».

Мир перестаёт издавать звуки – тухнет.

Это не он. Не его уверенный, размашистый, самодовольный почерк. Совсем другой человек.

Не он.

Это... не он.

Воздуха в груди резко становится много. Расслабляю плечи, впервые смотря на цветы со смесью настороженности и тихой радости. Маленький, нелепый, но такой чистый всплеск.

Они прекрасны...

Но если не он, значит какой-то поклонник. Кто-то, кто не знает о нём, но скоро узнает и...

Реальность накрывает ледяной из ведра. Если только узнает, если только заподозрит... он накажет. Его и меня заодно.

Выпрямляюсь, поднимая с колен. Красивые были цветы, жаль, что им придётся засохнуть где-то в общей раздевалке.

Глава 1

Диана

Жарко. Вдыхаю глубже. Воздух влажный. По логике должно быть холодно, но я не чувствую холода - кожа горит.

Оркестр берёт последние ноты «Вальса цветов», зал гудит чем-то приглушённым, далёким, свет софитов режет глаза, но я уже давно научилась смотреть сквозь. Я - третья линия кордебалета, левая половина сцены, два шага от условной вечности и три шага от правой кулисы. Если у кого-то в партере хорошее зрение и много желаний, он, возможно, разглядит среди общего вороха юбочек, худую девчонку с русыми волосами, собранными в идеальный пучок. Возможно. Но я в это не верю. Очень хотелось бы, но нет...

Шаг, взмах, поворот, точка. Ещё шаг, ещё взмах. Тела вокруг двигаются, как один организм, и я - его маленькая, не слишком заметная клетка. Музыка проходит сквозь, через связки, через натянутую до звона спину. В такие минуты я помню, зачем вообще всё это: мозоли, кровь, бесконечные «ещё раз». Ради этих трёх минут, когда ты перестаёшь быть собой и становишься частью чего-то больше, чем ты есть.

Я - весь мир...

Но если без этого всего, то я - Диана Альбертовна Волынская, кордебалет, Академический театр оперы и балета «Реверанс». Третий ряд, вальс, лебеди, цветы - целый набор «массовка, но красиво». Диана Волынская. Дочь балерины, внучка балерины. Династическая балерина, как любит говорить бабушка, закатывая глаза и поправляя колье.

Но пока, я третья линия слева, если что.

Вытягиваю носок так, будто от этого зависит мир. Хотя знаю: мир от этого не зависит. Балетмейстер - зависит, его настроение... бабушка - зависит, её давление, я совершенно точно завишу от сцены... от шагов, от того, как тело воспроизводит любую комбинацию, быстрее чем голова - таблицу умножения.

Оркестр гасит звук на последнем аккорде, мы замираем в позах, как искусственные цветы в букете. Вдох. Удар аплодисментов в уши - всегда немного неожиданно, как в первый раз.

Справилась. Я справилась...

Выхожу на поклон со всеми, держу линию, улыбаюсь уголками губ, не слишком широко - кордебалет не должен перетягивать одеяло. Но глазами... глазами улыбаюсь во всю.

Зал - море лиц. Волна аплодисментов накрывает, отступает, снова накатывает. Я знаю: аплодируют не мне. «Щелкунчику», вальсу, ёлке, новогоднему настроению, хореографии, солистке в нежно-розовом, которая только что делала фуэте, и Петру Ильичу заодно. Но на секунду делаю вид, что и мне тоже. Внутренне. Для себя.

Занавес медленно опускается. Мы ещё держим позы, пока не схлопнется последняя щель между нами и зрителем. И только когда красная ткань отрезает нас от зала - выдыхаю по-настоящему.

Всё.

Я делаю реверанс в сторону темноты, разворачиваюсь и ухожу со сцены в общий поток тел: шелест юбок, скрип пуант на деревянном настиле, чьё-то нервное хихиканье, чужие духи.

- Молодцы, девочки, - механически бросает ассистент балетмейстера, заглядывая из-за кулисы. - Кордебалет, задержитесь, будет объявление.

Конечно, будет... Объявление, замечание, новая партия репетиций, новые выговоры, потому что все видели, как Катя запуталась в самом конце! Хотелось бы уйти без этого всего, но тут зависит не от меня, я не прима, так что...

В коридоре пахнет настоящей какофонией: пудрой, лаком для волос, потом, кофе из пластиковых стаканчиков и чуть-чуть шампанским. Да-да, такое вполне себе бывает, не думайте, что все святые. У нас и корпоративы есть, и склоки, и всё на свете. Закулисная жизнь такая же скачкообразная, как и кораблик в шторм.

Иду в сторону гримёрки, чувствуя, как ломит пальцы ног - пуанты оставляют автографы на костях. Развязываю ленточки на ходу, по привычке, пока мысли утекают в прошлое.

Я помню своё детство.

Не «по рассказам бабушки», а по запахам, образам, отдельным фрагментам... те, что были до страшной аварии, забравшей у меня сразу двух родителей... Например, мамина гримёрка пахла смесью пудры, духов, перегретого утюга и старого бархата. Помню её руки: длинные пальцы, чуть шершавые от бесконечных репетиций, и тёплую улыбку, которая принадлежала только мне.

- Дианочка, смотри, - мама подбрасывает меня на руках, так легко, что кажется, я ничего не вешу. - Вот тут, - палец касается чёлки - у тебя будет корона. А вот тут, - прикосновение к плечам. - тюник. И ты будешь летать, как снежинка.

Я верила. Тогда - безоговорочно. Что буду летать, что всё будет красиво, что мир - это сцена и за кулисами не бывает грязи, зависти, предательства... Не знаю, как моя чистая и светлая мама могла вариться в этом котле змей... не знаю, но она смогла, а у меня пока не особо хорошо получается. Когда-нибудь я буду, а пока... как есть.

Мой первый раз в зале припоминается смутно: много света, очень много незнакомых людей, мамин силуэт на сцене. Она была выше всех - не ростом, линией. А когда поднимала руки, казалось, вместе с ней поднимается весь зал. Я сидела на коленях у папы, прижимаясь к его груди, и думала только одно: «Я тоже так хочу». Папа смеялся, осторожно сжимал мои ладошки своими большими руками.

- Подожди, вырасти сначала, - шептал, пока зал срывался в овации. - Сначала уроки, потом пуанты.

Папа пах не сценой, а табаком, кофе и бумагой. У него были вечные блокноты, карандаши, какие-то схемы, бесконечные росчерки на бумаге... Он не танцевал, но без него танцев не было: чертил, придумывал, спорил, ругался с балетмейстерами, ставил. Строгий, когда дело касалось работы, и мягкий, когда я лезла к нему с вопросами:

- А почему она грустная?

- Потому что так она передаёт весь трагизм.

- Папа, папа, а почему она не смеётся?

- Потому что, если всё время смеяться, никто не поверит.

Я кивала и смотрела дальше. Они были все такие красивые, изящные, лёгкие...

Мама в гримёрке могла заорать на кого-то или спорить до хрипоты, а папа ругался с солистом, который опаздывал на репетиции. Но дома они смеялись... от сердца. Смеялись над глупыми телевизионными шоу, над тем, как я бесконечно норовила отстричь себе волосы детскими ножницами и над моими пируэтами, после которых я сносила вешалки в коридоре.

Мои первые пуанты появились, когда мне было семь. Это было на несколько лет раньше, чем было можно, но папа принёс коробку и подарил.

- Рано ещё. – возмутилась мама, но всё равно поцеловала меня в висок широко улыбаясь. – Алик, ноги не готовы.

Мы втроём сидели на полу посреди комнаты: я, с огромным предвкушением смотрящая за тем, как она бинтовала мои пальцы и папа фотографирующий этот момент со всех сторон.

- Будет больно, да? - спросила, разглядывая красивую ленту, которой мама обматывает мне ступню.

- Будет, - честно сказала.

И добавила, улыбнувшись:

- Но ты же у меня не сахарная. Ты справишься.

Мама помогла подняться, поставила к станку и держала за руку, когда я впервые неуверенно поставила одну ногу на носок, потом вторую. Мир тут же уехал вниз.

- Я как ты? - спросила, сжимая пальцы.

- Пока не очень, - засмеялась мама. - Но будешь! Ты будешь лучше, чем я, ты будешь лучше, чем все. – нежное прикосновение к щеке. – Моя Дианочка.

Конечно, я тут же попыталась пойти дальше, чем нужно. Перекатилась вперёд, ступни не выдержали, пол подпрыгнул навстречу. Мама поймала, перехватив за подмышки. Я расплакалась. Потому что мама никогда не падала... у неё всё легко получалось, с первого раза, а я...

- Тише, тише, моя маленькая. - прижимая к груди, мама ласково гладила меня по голове. - Все падают. Но дальше идут те, кто смог подняться.

Я всхлипывала, но внутри дала себе обещание: я хочу быть такой, как она. Летать, как снежинка, срывать овалы, приносить домой охапки цветов!

Мне тогда, действительно, было рано пуанты, но потом, когда мы все встали в классе на пуанты, у меня получалось лучше всех. Преподаватели улыбались, говорили, что вот она звёздочка... династическая балерина. И я была горда! Тянула подбородок, держала спину, улыбалась ровно так, как делала это мама.

Потом было училище. Мы жили там как в другом государстве. С собственными законами, праздниками и катастрофами. Подъёмы в шесть, волосы в пучок, чёрные купальники, белые колготки, бесконечный запах канифоли и пота в общих раздевалках.

На втором курсе у нас появилась своя маленькая стая: я, Лера и Соня. Три разных ноги и три разных головы, которых объединяло одно - мы все умели смеяться и находить себе приключения на голову.

- Династия идёт, - шепчет Лера, когда мы, стоя у станка, в очередной раз пропускаем приход педагога по классике. - Вставай ровно, Волна, а то бабушка из ада придёт.

- Она не из ада, а из партера, - поправляет Соня, делая вид, что падает в обморок. - Будет сидеть и вслух говорить: «Позор! Позорище»

Я хрипло хихикала, пока педагог угрожающе не постучала палкой по полу. Мы боялись эту палку больше всего на свете.

- Девочки, я вам не мешаю? Может быть, мне выйти?

И провела по всем взглядом... холодным, предельно спокойным, словно не человек она, а машина бессердечная. Хотя... так оно и было.

Не стовариваясь, вся группа опустила глаза. Я самая первая.

- Отлично. Вперёд, первая позиция.

После занятий мы забивались втроём в дальний угол раздевалки, ели по очереди один и тот же батончик, который Лера всегда «забыла съесть одна».

- Вот увидите, - мечтательно заговорила Соня, - я буду примой. Прямо с первого же приёма. И ко мне будут подползать все эти... - далее пафосный жест рукой, изображая богатых меценатов, - а я такая: «нет, спасибо, я занята большим искусством». В очередь... в очередь, милейший.

- Ага, - фыркает Лера, пережёвывая свой кусочек. - Ты будешь примой в нашем школьном капустнике. Если будешь жрать после восьми. Вырастет жопа и всего доброго.

- А ты не будешь есть вообще, - психанула Соня, явно обидевшись на свою любовь к сладкому. – Будешь одни кожа, да кости.

- Да пусть так, ты постоянно жрёшь.

- А я нормально ем, - вставила свои пять копеек, чтобы хоть как-то разрядить.

Девочки синхронно закатили глаза.

- Тебя скоро и видно не будет. – не выдержала Лера. - Половинка мандарина за день и воздух.

- Ну... ей не надо будет дружить с худруком, - мечтательно подытоживала Соня. – Да и в общем, Дианку возьмут по династии. Фамилия сама за неё станцует.

- Иди к чёрту, - тихо смеялась, толкая подругу в плечо.

- А то нет... - съязвила Лера, откусывая яблоко.

- Нет! – возмутилась.

- Ну да... ага...

- Давайте, хватит?! – вмешалась переполошённая Соня.

Я в такие моменты отворачивалась, делая вид, что тема закрыта, хотя внутри всю трясло. Да, фамилия, да есть некоторые привилегии, но в учёбе они не помогают, с меня спрашивают больше, чем со всех... ждут что я буду схватывать слёту, а я... как получается я.

Ругались не часто... всё-таки нас очень сильно объединял балет, так что в честь этого устраивали свои капустники в пустом зале. Музыкантов, конечно, не было, зато была колонка и флешка, когда с попсой, когда с классикой.

- Итак! Собрались? Молодцы! Сегодня репетируем «Лебединое озеро» по-новому, - объявляет Лера, включая какой-нибудь бессмысленный трек. - Я - Зигфрид, Диана - Одетта, Соня - злая судьба в виде тазика.

- Эй! - возмущалась Соня, - Когда буду принцессой? Несправедливо, блин!

- Когда перестанешь наступать на пуанты, - беззлобно подшучиваю.

Мы носились по залу, кувыркались, делали дурацкие поддержки, падали на пол, хохоча до слёз. В те моменты балет не был системой выживания. Он был игрой. Живым. Нашим. И я думала, что там, в большом мире так же. Наивная...

Прослушивание в театр прошло как в тумане... Много света, мало воздуха, большой зал, длинный стол, за которым сидели люди с лицами, в которых я пыталась разглядеть хоть что-то человеческое. Балетмейстер, худрук, какая-то женщина из отдела кадров, ещё кто-то - все с папками, с ручками, с глазами в которых только оценка.

Мы выходили по одной и по две. Па-де-де, вариации, фрагменты комбинаций. Ноги дрожали, спина горела, но я делала всё, что умела. И даже чуть больше. Потому что у меня за спиной стояла бабушка, а за её спиной – родители, которым при жизни этого видеть было не дано. Нельзя было подвести. Совсем нельзя

Потом нас посадили в коридоре «ждать решения». Девочки листали телефоны, кто-то плакал, кто-то нервно смеялся. Леры и Сони со мной тогда уже не было. Соня получила травму и была отчислена, а Лера уехала в другой город... Я сидела и смотрела на свои колени. Считала минуты.

Ещё чуть-чуть. Ещё немного...

По спине скатывался пот, пальцы сжимались, в висках пульсировало. Мне нужно было пройти, жизненно необходимо пройти!

Когда вышел худрук, бабушка стояла рядом. Я видела, как он кивает, как его глаза становятся чуть более внимательными. Я знала эти движения: они разговаривали не только обо мне. Они разговаривали о прошлом, о долгах, о маме... я знала, бабушка сказала, что поможет. И она помогла...

Взяли меня. Официально - за способности, данные, перспективу. Неофициально – за фамилию, за какие-то давние обещания... Радость была с привкусом ржавчины.

Стыд подкрадывается не сразу. Сначала эйфория: театр, сцена, костюмы, «я в труппе». Только потом, когда видишь, как кто-то, может быть, более сильный, чем ты, уезжает домой, потому что «не прошла», а ты остаёшься - вот тогда меня и начало окатывать...

А что до театра... я оказалась не принцессой и не той самой снежинкой. Я оказалась единицей в кордебалете. Третий ряд, левая линия, вальс цветов, маленькие пасторали в детских спектаклях, «девочка с венком» в хоре, иногда - «фея, где-то там, на заднем плане» в «Спящей красавице».

- Будет расти.

- Посмотрим.

Я работала. Танцевала. Тянулась. Но каждый раз, выходя на крошечный соло-эпизод, чувствовала не только радость, но и чей-то взгляд в спину... и шёпот: «конечно, взяли, это же дочка Оли».

Сегодня не шептались... мы все устали. Выложились на максимум возможного.

Выхожу на улицу через служебный выход. Узкий проём между домами, запах сырости и мусорные баки у стены. Изнанка театра не выглядела презентабельной... никогда. Это я помню ещё из детства.

Кутаюсь в пуховик, пытаюсь спастись от промозглого ветра. Снега нет, но асфальт влажный, блестит в свете фонарей. Переваливаюсь с ноги на ногу. Очень устала... зверски. Ноги помнят пуанты - каждый шаг в сапогах кажется слишком мягким, как по вате.

Облизываю пересохшие губы, прибавляя скорости. Автобусная остановка в десяти минутах пешком. Иду туда, вдыхая холодный воздух через шарф. Пальцы мёрзнут - перчатки, где-то в бездне сумки, но доставать их лень. Засовываю руки поглубже в карманы.

В ушах всё ещё гудят аплодисменты. Громко – очень-очень громко. Они звучат даже тогда, когда я иду по тёмной улице, мимо киоска с шаурмой и мелкого круглосуточного. Улыбаюсь, несмотря на всё, улыбаюсь. Для кордебалета аплодисменты всегда обезличены. Но я упрямо делаю вид, что хоть парочка была и мне.

Автобуса дожидаюсь на одной силе воле, промерзая, кажется, до самых костей. Но когда он подъезжает: маленький, старенький, с запотевшими окнами, на которых кто-то пальцем написал «+1» и нарисовал кривое сердечко – ныряю в него как в родной. Протискиваюсь к окну, дожидаюсь места и сев, прижимаюсь лбом к холодному стеклу.

Гул мотора, чья-то громкая перепалка рядом с кондуктором, запах дешёвого одеколона от мужчины на соседнем сиденье, вопли ребёнка в глубине салона. И всё равно поверх этого - отзвуки музыки и рукоплесканий.

Вытаскиваю наушники, включая мелодию. Благоговейно прикрывая глаза. Я всё ещё там... на сцене. Танцую в самом центре... на меня смотрят, мною восхищаются.

Хорошо...

Автобус дёргается, поворачивает на нашу улицу и только тогда, я выныриваю наружу. Нажимаю кнопку, встаю, пробираюсь к выходу. Выйдя со всем потоком, поправляю лямку сумки, чтобы не слетела с плеча и иду.

Наш дом - панельная девятиэтажка, таких тут десятки. Но у нас, в отличие от многих, в подъезде чисто: аккуратный коврик, свежая побелка, почтовые ящики и те перекрашены. Управдом здоровается с бабушкой по имени-отчеству - уважительно, как привыкли ещё когда, она сама выходила на сцену. Бабуля у меня с регалиями, тут все это знают.

Заслуженная артистка, бывшая ведущая в театре. Так что не бедствуем... Плюс какие-то доплаты за звания, «ветеранские» и «городские» программы. Мы не жируем, но и по мусоркам не ходим. Квартплата - вовремя, лекарства - по списку, хрусталь в серванте - тёртый до блеска. Моя зарплата в кордебалете на этом фоне - как карманные деньги. Хватает на проездной, пару кремов и тихо отложенный запас «на всякий случай», который, конечно, никогда не вырастает до реальной суммы.

Подъездный код набираю на автомате. Внутри пахнет варёной картошкой и чем-то жареным. Лифт, как обычно, «временно не работает», но у нас это уже год как временно, поэтому тащу себя по лестнице, чувствуя, как ноют икры, после сегодняшних прыжков. Вымоталась я.

Добираюсь до пятого. У порога встречает коврик и дверь...

Выдыхаю, чувствуя огромную тяжесть. Переволновалась сегодня, как в первый раз...

Я открываю ключом, захожу, сбрасывая сумку на пол, ближе к стеночке. Закрываю дверь, прислоняясь к ней спиной. Дома как обычно орёт телевизор и отдалённо чувствуется запах духов.

- Диана, это ты?

- Да. – кричу.

Господи... чуть не уснула.

Дергаюсь, принимаясь тут же шустро разуваться, цепляя краем глаза висящие на стене грамоты и выцветшие афиши: «Волынская в партии Жизели», «Юбилейный вечер заслуженной артистки».

Ух... это вы ещё не видели, что в серванте - не только хрусталь имеется. Там ещё значки и медали. У бабушки богатое прошлое – огромное. Думаю, у мамы было бы больше, но она не успела...

Бабушку нахожу в гостиной... сидит на краю дивана, в домашнем, но всё равно «парадном» виде: тёмный халат с вышивкой, накинутая поверх меховая жилетка, волосы накручены на бигуди, губы тщательно подведены алой помадой. Если бы сейчас сюда заглянул кто-нибудь из театра, решил бы, что она собирается не в аптеку за таблетками, а минимум на приём к мэру. Хотя... в аптеку она и не пойдёт.

- Диана, - голос строже на несколько пунктов, - ты слушаешь, что я говорю?

- Слушаю, - вру. Сажусь на стул у окна, вытаскивая из пакета пуанты, чтобы положить их тут и потом подштопать.

Бабушка раздражённо выдыхает, качая головой.

- Ты дочь балерины, моя внучка, ты - Волынская, между прочим. - Кивает в сторону стенки, где висит её собственная чёрно-белая фотография в молодости: тонкая талия, изящные руки, пачка. – Ты это помнишь?

- Помню, ба.

- Помнит она... - всплеск руками. - А где ты, милая моя? В третьем ряду кордебалета?! – снова качает головой и заключает. - Позор.

- Баб, - выдыхаю, рассматривая свой палец. - Я меньше года трупке. Тут все сначала в кордебалете. Ты же знаешь...

- Все, да не все! – настаивает. - Не все! Есть те, кто сразу на хорошие партии выходит. У кого есть характер. Амбиции. А ты у нас скромница, да? Скромность - это прекрасно, когда у тебя за спиной ничего нет. А у тебя – известная фамилия, данные! Ты должна быть первой!

Ох, бабуля...

- Я свою жизнь на этот театр положила! Я всё сделала, чтобы ты не считала копейки!

В груди заканчивается воздух, а в моей голове иссякают аргументы. Я устала спорить и просить так не делать. От меня ждали огромных результатов, но я пока... в общем, я устала.

Когда минутка нравоучений заканчивается, бабушка приглаживает волос, смотря на себя в уголок старого трюмо, поправляет помаду, хотя та и так лежит идеальным плотным слоем и кажется, забывает про меня окончательно.

Отвожу глаза в сторону окна. Щель форточки пропускает холодный воздух. Шелестит занавеска. На секунду прикрываю глаза и вижу не душную комнату, набитую хрусталём, грамотами и претензиями, а мамину гримёрку. Пудру в круглой коробке, лак для волос, её руки на моих плечах, когда она ставила меня на первые пуанты... это было как будто бы вчера всё.

Моё детство было другим – тёплым, живым. Мне казалось, что всё это - навсегда. Что есть «мы трое», а ещё будет сцена и мир, в котором, если очень стараться, можно всё.

Жизнь разломилась на «до» и «после». Не сразу, не одним ударом, а как лёд весной: сначала трещина, потом ещё, потом всё пошло крупными льдинами.

Хотя... если честно, та самая трещина появилась ещё в моём «до».

Бабушка, её четырёхкомнатное королевство с коврами на стенах, запах нафталина и старых афиш, моя вязкая тоска и упрямое желание добиться большего - при полном отсутствии у преподавателя желания увидеть во мне хоть что-то стоящее. Всё в версии «до».

Днём я честно отработывала свои комбинации: плие, батманы, бесконечные экзерсисы у станка, стараясь вытянуть носок так, будто от этого зависело моё будущее. А вечером возвращалась не в закулисы театра, а в бабушкину «маленькую сцену» - узкую комнату с потёртым ковром, где вместо софитов - торшер без абажура, а вместо балетмейстера – она, с тростью рядом.

Она сидела в кресле, как строгий педагог на просмотре, и по-своему «ставила» меня:

- Опять колено мягкое.

- Стопа не дотянута.

- Нельзя так! Нет мягкости, нет плавности! Где это всё?!

Я ловила в зеркале своё отражение между сервантов и книжных полок - чужое, неидеальное. Сцена манила, как свет за закрытыми шторами, но путь к ней всё равно проходил через бабушкино «так, ещё раз» и чьи-то чужие оценки: «недостаточно», «сыро», «не твой уровень».

Мы с ней ссорились больше, чем разговаривали. После очередного недопонимания я хлопала дверью её комнаты, уходила к себе и присев на подоконник у окна, смотрела во двор. Смотрела на то, как темнеет день, и пыталась понять, чего хочу на самом деле: соответствовать или перестать барахтаться.

Сокрушаясь после очередного разговора с бабушкой, я ещё не знала, что каждый мой обиженный шаг по квартире, каждая дополнительная попытка сделать плие у подоконника, каждая новая попытка доказать, что-то не только ей, но и себе самой, - всё это медленно ведёт меня к тому самому «после». К моменту, когда сцена, вместо мечты, станет точкой невозврата.

Если бы я знала, если...

Глава 2

Потом, когда-нибудь, именно это время я назову той самой точкой невозврата... Но пока я этого не знала. Поэтому вдыхала особенный запах «праздника» в фойе полной грудью. Дорогой парфюм, шампанское, свежие цветы и едва различимая пыль занавесов. Всё вперемешку. От этого у меня кружилась голова, а может быть, потому что третий показ даёт о себе знать... Ноги гудят, мышцы забиты, а я сама не понимаю, где я и что я.

С самого утра в театре шептались:

- Сегодня придёт Вяткин.
- Сам Сергей Сергеевич.
- Вы понимаете, кто это?

Я не понимала. Для меня это была просто ещё одна фамилия из разговоров, рядом с которой гипнотическим образом возникал столп людского уважения и заискивания. У кого-то был Станиславский, а у кого-то Вяткин... как-то так воспринималось. Не думаю, что их можно сравнивать, но всё-таки.

К обеду стало ясно: это не просто «важный зритель». Это человек, который, по слухам, вливается в театр деньгами. Этаким спонсор-спаситель, а как наши говорят – фактический владелец. Уж не знаю как, но народ шепчется о разном.

- Если он вложится, - шептали в коридоре, - наконец-то поменяем свет.
- И зал отремонтируют.
- И хударука, может, сменят. Задолбал урод...

Фамилия Вяткин висела в воздухе неделю, а в день «прихода» и вовсе повисло облаком над головами.

Я старалась абстрагироваться. Для меня было важно другое: не перепутать выход, не врезаться в соседку, как на репетиции, когда я в пол-оборота вылетела из линии и чуть не снесла декорацию. Так что, весь день прокручивала комбинации в голове, изредка вспоминая про какого-то там гостя или хозяина, не знаю как в итоге правильно.

Перед первым звонком ассистент балетмейстера заглянула в общую гримёрку - раскрасневшаяся, взвинченная:

- Девочки, слышали? Вяткин будет в ложе. С мэром, с этим... как его... спонсором ещё одним. Постарайтесь, ладно?

- А мы что, обычно не стараемся? – недовольно буркнула Ева.

Гримёрша Марина, прищёлкнула языком:

- Ты не ерничай. Такой человек в зал приходит не каждый день. Глаза раскройте и танцуйте, как в последний раз.

На неё тут же зашикали, потому что нечего гримёршам поучать тут, но совету всё равно вняли.

Такой человек...

Посмотрела на себя в зеркало, поправляя сетку на пучке. Мне всё равно, главное не накосячить. Да, да... я опять - третья линия кордебалета, левая половина сцены. Вальс, общее построение, никаких соло, никакого «поля». Я - фрагмент орнамента, маленькая деталь на большом полотне. Так что, едва ли он там что-то увидит, все смотря на солистку. Так правильно, так должно быть.

Вдохнула, выдохнула и принялась завязывать ленты. Я постараюсь, выложусь на максимум возможного, но специально рвать себе жилы не буду, потому что стопроцентно потею концентрацию и тогда меня однозначно запомнят, как самую нелепую часть всего танца.

Бабушка такого не простит. Она сюда не выбирается почти, но информация о подобном до неё докатится быстрее скорости сверхзвука.

Когда гаснет зал, мир сжимается до прямоугольника сцены.

Я не волнуюсь... почти нет.

Господи, вру конечно – ещё как волнуюсь. Ладошки вспотели как волнуюсь.

Главное ничего не испортить... ничего не перепутать.

Первая картина пролетела как всегда, единым куском: выход, построение, протянутые носки, поднятые руки, знакомая музыка. Тело танцует на автомате - мышечная память точнее любого текста: шаг, подбивка, прыжок, поворот, диагональ. Я всё знаю, я всё из этого умею.

Дышу по счёту. Вдох - на подготовку, выдох - в движении. Мышцы горят огнём, подпитываясь из внутреннего резерва.

Где-то там, за кулисами, между выходами, вспоминается, что в ложе сидит какая-то огромная шишка, но на сцене это всё уходит, растворяется в прожекторах, практически исчезает.

Пока всё идёт хорошо. Пока что...

Во втором акте есть момент, который я люблю и ненавижу одновременно. Вальс. Мы рассыпаемся по диагоналям, и в определённой точке мне приходится выйти чуть ближе к залу, встать полубоком, поднять руки - и на несколько секунд застыть в позе, пока солистка продолжает вариацию в центре.

Замираю в пустоту. Взгляд уходит над основными зрителями в темному. Я вижу мир, которого нет, я создаю этот мир в своих глазах, заставляя их всех поверить в этот мир.

На самом деле, там ничего нет, просто чёрный провал. Зелёные и красные огоньки аварийных выходов, чёрное море, где не различить лиц. Но в этот раз темнота меняется... Нет... дело не в свете, которого по сути нет, дело во внимании. Я чувствую его на себе – огромную концентрацию внимания.

Я столько раз это проделывала. Столько раз, что и не счесть уже. Но именно сейчас, в черноте лож, на несколько секунд явственно ощущаю взгляд на себе. Не на общую картинку, не на первую линию в целом, а на меня. Прицельно.

Ноги едва заметно дрогнули в пятой позиции, стопы чуть поплыли в пуантах.

Нет-нет, стоп! Нельзя!

Насильно удерживаюсь и господи, как же сильно радуюсь, когда музыка меняет темп, а мы меняем рисунок. Входят мальчики, перестраиваемся, я чувствую спиной дыхание соседки слева, правым плечом - край пачки девочки в следующем ряду. И успокаиваюсь.

Всё нормально, просто показалось, ничего страшного. Тут сотни людей... они все смотрят. Все!

Мысленно выдыхаю, держу лицо, линию, ритм.

Когда оркестр гасит звук на последнем аккорде и мы замираем в финальных позах, зал взрывается аплодисментами. Люстра вспыхивает, и я, держась за руки девочек по бокам, привычно улыбаюсь - аккуратно, не слишком широко... как всегда.

Но мой взгляд сам собой, уплывает к ложам. Всего то на секунду, но тут же вновь возвращается обратно. Слишком много... их слишком много, непонятно откуда смотрели. И смотрели ли вообще.

Господи, Вольнская, ты, кажется, устала.

За кулисами творился привычный бардак - смех, крики, шуршание пачек, хлопающие двери, чей-то нервный мат. Мы растягивали ленты, стаскивали корсажи, кто-то уже успел натянуть тренировочные штаны прямо поверх колготок, ещё не добравшись до гримёрки.

Но... тема с тем самым «гостем» всё ещё никого не отпускала. Я слушала молча, что сказать, если подобные люди никогда меня не интересовали? Вот если бы какой-то художественный деятель – тогда да, а так...

- Он видел третье действие?

- Что сказал худрук?

- Так что, правда, что Алёнка его знает уже? Не слышали?

- Алёнка замужем за сыном мэра... может и знает...

Качаю головой. Кто о чём, а тут всё стабильно.

Прикрываю глаза, чувствуя, как грим неприятно стягивает кожу, а позвоночник посылает тихие сигналы бедствия.

Начинаю стягивать с себя корсаж, с намерением юркнуть в гримёрку, когда до ушей доносится объявление:

- Труппа, построиться!

Кто-то недовольно выдохнул, но подчинились все. Я тоже... куда денешься. Такое - норма, когда после спектакля выходит кто-то важный. Обычно мэра, иногда какие-нибудь «почётные гости», которые говорят красивые слова и уезжают.

Мы выстроились полукругом в одном из больших репетиционных залов - в основном все в сценических костюмах, мало кто успел переодеться в повседневку.

Дверь открылась, вошёл наш худрук, директор театра и мужчина лет пятидесяти с лишним, может, ближе к шестидесяти. Крупный, широкие плечи, высокий рост, в идеально подогнанном костюме...

Выпрямила спину, неосознанно сделала. От мужчины тянуло властью, деньгами и возможностями. Сам же он... светлые, серо-голубые глаза, какие-то очень холодные, слишком внимательные. Взгляд прицельный, уверенный, без тени сомнений.

Сильная энергетика.

Рядом стоящая Аня вдруг приблизилась и шепнула:

- Он вояка, что-ли?

Пожала плечами. Откуда мне знать?

Дальше всё было быстро. Он говорил коротко, по делу. Что театр - жемчужина города. Что новое финансирование позволит обновить репертуар, декорации, осветительное оборудование. Что он верит в нас, в «коллектив» - он именно так сказал, не «людей», а «коллектив». И что дальше будет «много работы, но и много возможностей». Обычная такая речь... тут все примерно это и говорят.

Он не повышает голос, не размахивает руками, не играет в «доброе дядю». Просто спокойно, уверенно расставляет акценты. Потом пожал руки солистам, сказал паре девочек из первой линии что-то ободряющее, кого-то похвалил за вариацию. В общем, сложилось впечатление, что он действительно знаком с нашей профессией. Это было приятно, потому что как правило, все только общими фразами обходятся.

Дальше что-то сказал директор, а после они чинно нас покинули.

- Блин... я думала, он моложе...

Улыбнулась.

- Хотела увидеть двадцатилетнего? – подколола Беллу.

- Да нет... просто жаль.

Покачала головой. Белла влюбчивая до ужаса, с кем у неё тут только романов не было, всё никак не наиграется.

Общим потоком вернулись в гримёрку, где я сняла пачку, с трудом развязала ленты пуант, смыла с лица плотный тон, чёрные стрелки и быстро переоделась в свободные чёрные штаны и растянутое худи. Конечно, ещё какое-то время охала у зеркала, распуская тугий пучок. Волосы после него превращаются в... в общем, стянула всё в хвост резинкой. Добегу до дома так, ничего страшного, кто там меня сильно будет в автобусе разглядывать. На фоне сегодняшних платьев, блеска и лаков, я сама себе казалась мелкотой, подростком дворовым – никакого лоска и эстетики – общий поток.

- Диана! - тонкий голосок помощницы режиссёра врезался в гримёрочный шум. - Ты здесь?

- Здесь, - отозвалась, высовываясь из-за шкафчика.

Глаза Илоны Владимировны загорелись.

- Пойдём, - сказала быстро, хватая меня за руку. - Тебя ждут.

- Кто? – мгновенно испугалась и тут же кинулась защищаться. - Я... если это по поводу третьего акта, я...

Илона Владимировна мотнула головой, продолжая подтаскивать меня к двери, а там, приблизившись к уху, шепнула:

- Сергей Сергеевич, это... Не ори так. Он попросил познакомиться лично.

В ушах зашумело.

- Может, мне переодеться? Я уже...

- Нормально, - отмахнулась. - Пошли. Времени у меня нет ждать. Это вы уходите. У нас работа продолжается.

Ну да, конечно... фуриет у вас... та ещё работа...

Но спорить не стала, пошла. Пока мы не скрылись, в гримёрке повисла настороженная тишина. Не прямая... а такая... вроде и говорят, но сами прислушиваются.

Пока мы шли по коридору, внутри меня всё обмирало. Вдруг он заметил, что я где-то подвела линию, и теперь хочет сказать, что таких, как я, здесь быть не должно?!

Пальцы похолодели.

Если меня сейчас заставят уйти... *Не знаю, что делать... совсем не знаю.*

Илона Владимировна переходит на космическую скорость и мы подлетаем к кабинету директора за считанные минуты. Стараюсь особенно не смотреть по сторонам, и глаз не поднимать. Тут все красивые, а я... в худи, блин. Бабушка и так каждый раз высказывает мне за внешний вид, а если узнает, что я вот так разгуливаю на публике... боюсь, будет огромный скандал.

Мимо прошли двое мужчин в дорогих пальто, женщина в длинном платье, сияющая украшениями. На их фоне, да и в общем, помните, да? Я и так худая, а в этой одежде выгляжу ни как балерина, а как девятиклассница.

Ох... может прикупить себе пару платьев?

Вон, наша прима как выходит – через центральный, надушенная, на каблуках, всегда в платье, с красивой укладкой и свежим макияжем. Естественно, едет по «делам» к любовнику, но всё-таки.

- Да не трясись ты так. - бросила помощница через плечо, даже не оборачиваясь. - Он нормальный. И потом... - паузу. – Мне Денис сказал, что про твою бабушку говорили. Наверное, просто захотел познакомиться поближе. Может что-то передать. Алла Фридриховна не последний человек, даже сейчас. Так что давай там, нос выше и пошли шустрее.

Господи ты, Боже мой...

Пульс взмывает на самый максимум. Меня это не успокоило... вот совсем. А особенно не успокоило, когда нас перед самой дверью остановил высокий мужчина в чёрном костюме. Илона Владимировна что-то попыталась возмутиться, но тот лишь головой покачал – сам открыл дверь, сам и спросил:

- Сергей Сергеевич, Волынская.

- Пусти.

Вот и всё...

Мамочки.

Вдох, быстрый выдох и мои плечи снова максимально расправлены.

Давай Диан, ты взрослая девочка, ты не боишься какого-то там важного дядьку. Не боишься... ну, не боишься же...

Господи, я боюсь.

Начинаю внутренне метаться, секунды две, пока Илона Владимировна наглым образом не берет, и не пихает меня внутрь. Вхожу.

В кабинете полумрак, запах крепкого алкоголя и табачного дыма... На столике - ведёрко со льдом, недопитая бутылка, тарелка с лимоном. Но самое волнительное это сидящий в кресле нашего Дмитрия Аристарховича, того самого мужчины которого тут и боятся, и возносят до самых небес.

Чувствую, как у меня начинают подрагивать пальцы на руках.

- Здравствуйте, - проявила первой вежливость, совершенно не надеясь, что мне ответят тем же.

Не знаю почему, просто чувствовала. Впрочем, так и вышло. Мужчина смотрел молча.

Боковой свет делал черты его лица жёстче: тяжёлый подбородок, широкая челюсть, нос с горбинкой, короткие тёмные волосы с сединой и глаза... светлые – изучающие. Но как только он поймал мой взгляд – улыбнулся. Не широко и радостно – нет, скорее скупно.

- Проходи, Диана, - сказал, кивнув на кресло напротив.

- Спасибо...

Села, но тела совсем не чувствовала, во рту и вовсе стало вязко. Опустила глаза. Не могу смотреть прямо, теряюсь. Переплетаю пальцы, делаю вдох, следом выдох и всё-таки выталкиваю:

- Вы... звали меня?

- Звал. Хотел познакомиться лично.

Оторвала от собственных пальцев и посмотрев в его глаза, услышала:

- Договоримся сразу, зови меня правильно, Сергей Сергеевич.

- Да... конечно, Сергей Сергеевич.

Мы сидели напротив друг друга, но у меня было впечатление, что он стоит, а я... где-то там снизу... очень маленькая, почти невидимая. Повела плечами сбрасывая мысли.

Не нервничай Диан, не нервничай...

И я не знаю сколько бы комкала пальцами свои штаны, пока не услышала невероятное:

- Ты хорошо танцевала. Была лучшей.

Подняла удивлённые глаза.

Я – лучшей? Я же... да я даже не первая линия, я...

- Спасибо...

- Пластичная, гибкая, красивая. Редкий талант.

У меня... у меня не было никаких слов, вот совсем. Он смотрел на меня и говорил всё это с максимальным спокойствием, как констатацию. Хвалил, очень сильно хвалил, но я... я впервые не знала, как реагировать на такое.

- Я... рада, что вам понравилось, - сказала, первое что пришло в голову.

Боже мой...

- Да, понравилось, - усмешка. - Я давно не видел такой органики.

У меня заалели уши и лицо, и... кажется, я вся.

Нервно заправила за ухо прядь волос, уводя глаза в сторону. Сергей Сергеевич не просто смутил, он из колеи выбил... И приятно так стало... очень-очень приятно. Хоть кто-то заметил, как я старалась. Это приятно – честно-честно.

Подняла глаза, улыбнулась.

- Спасибо большое.

- Пожалуйста.

Оторвавшись от моего лица, он спокойно плеснул себе алкоголь в стакан, а я... переворачивалось у меня всё. Невероятное чувство полёта. Нет! Даже не так! Больше, чем полёт!

- Ты похожа на мать. Воздушная, лёгкая.

Заулыбалась ещё шире. Мамочка была лучше всех.

И нет, мы внешне не похожи, я в папу пошла – русые волосы, голубые глаза, белая кожа. Мама моя была зеленоглазая, с копной каштановых вьющихся волос. Но это сейчас не важно.

Важно было другое: он сказал то, что меня по-настоящему тронуло. Сергей Сергеевич сравнил нас в танце. Не по лицу, не по фигуре, не по какому-то случайному жесту, а по тому, что для меня было значимым. Попал в самое яблочко.

Мама - прима, настоящая балерина, женщина, чьё имя до сих пор шепчут в кулисах с уважением. Я - девочка из кордебалета, одна из многих: шаг вперёд, шаг назад, раствориться в общей линии. Нас с ней обычно и сравнивать-то не берутся: слишком разный масштаб, слишком высокая планка. Все просто ждут, что однажды, я выстрелю...

А он, взрослый, статный мужчина, который в нашем кругу явно понимал толк в танце, увидел между нами родство... не по крови, а по сцене. Дух, темперамент, особое положение кистей... нас с мамой действительно многое объединяло. Но он... он взял и сказал. У меня под сердцем расцвели розы!

И в этот момент, я была не просто дочкой известных в наших кругах людей, я была её продолжением...

Внутри сразу вспыхнула жадность: *ещё, ещё, расскажи!*

Бабушка говорила много - но по-своему, с обидой и гордостью. Маму... если уж честно, бабушка не очень любила, она любила папу – всё-таки сын родной. Так что, я хотела ещё немного. Нет! Не немного – всё!

- Давно это было, - Сергей Сергеевич откинулся на спинку кресла, крутя в руках бокал. – В другом городе. Оля танцевала в «Щелкунчике», зал аплодировал стоя.

Улыбнулась ещё шире. У нас есть записи маминых выступлений. Я понимаю о чём он говорит. Смотрю их с замиранием сердца, как станет тоскливо – смотрю.

- Мама была хорошей балериной.

- Очень, - кивает. - Но хорошей балерине без покровительства сложно. В то время у неё не было такого шанса, какой есть у тебя.

На секунду я... я не знаю, как реагировать. То есть, смотрю в упор и не знаю.

Это про то, что меня сюда толкнули против шерсти? Это про это сейчас?

Тело обносит ярчайшей вспышкой стыда.

Боже мой... так оно и было. Ровно так.

Опускаю глаза на сцепленный пальцы. Внутри кошки скребут. Я же всё понимаю... но слышать это – огромный, пудовый камень. Прикусываю губы изнутри.

- Ты талантливая девочка. Я хочу помочь.

Что?

Вскидываю глаза, не веря в услышанное.

Помочь?

То есть, меня не позором клеймить будут, а помочь? Я не ослышалась?

- Я... спасибо большое, я...

Прервал меня жестом руки. Замолчала. Сергей Сергеевич отпил из бокала, аккуратно поставил его на стол, взял дольку лимона, вдохнул и только после этого продолжил:

- У таланта должна быть дорога. Я помогу тебе, будешь примой.

Смотрела на него во все глаза, пытаюсь уложить сказанное в логическую цепочку, но всё вокруг пестрило ярчайшими всполохами.

Сначала внутри стало тихо-тихо, а потом волной накрыло: горячо, ярко, до слёз.

Прима.

Я!

Где-то очень глубоко, под всеми но, между бабушкиными вздохами, сплетнями за кулисами и маминой славой, всегда жило это желание. Всегда, слышите?!

Меня словно выстрелило куда-то вверх. Воздух стал другим - искристым, ярким, плотным. Сердце ухнуло вниз, а потом взлетело к горлу.

Я - примой.

Я.

Не «дочь Оли». Не «девочка из корда». Я, Диана!

- Вы сейчас... - голос предательски срывается, глотаю воздух, но всё-таки договариваю.
- правда так думаете?

- Я не думаю, я вижу.

И тут же, добавляет:

- Тебе не дают развиваться. Пятая... или какая ты там стоишь сейчас. Это не то. У тебя должно быть лучшее.

Мир на долю секунды переворачивается.

- Как... как это? - выдыхаю, не сразу понимая, о чём он.

Он чуть склоняет голову набок, пристально рассматривая моё лицо. Немного робею, уволю глаза. У меня шок, я просто не понимаю, как не сорвалась и не заплакала. Эмоций так много, что хоть ложкой ешь.

- Тебя постоянно пытаются спрятать.

Каждое слово попадает точно в больное место. Внутренне дёргаюсь. Я много раз об этом думала, да что там думала... бабушка и та так же говорит, хотя прекрасно знает, где и какие у меня провалы могут быть.

- Вы... вы считаете, меня... специально?

Мужские губы искривляются в подобие улыбки. Очень скупой, почти незаметной, но улыбке.

- Да.

У меня мгновенно холодеет под ложечкой. Он прав... а если он прав, значит мне не показалось, значит я не надумала!

Всплывают все мелочи: как меня без конца двигают по сцене, как хвалят через раз, как обходят взглядом... Это всё было! Всё-всё было!

- Заметила?

Киваю.

Если это видит кто-то ещё, значит, я не сошла с ума. Я права! Бабушка права!

- Спасибо... - шепчу, сдерживая накатывающие слёзы.

Я не плакса, нет, просто не могу справиться. Они начинают накатывать и всё... Подаюсь вперёд и начинаю искренне благодарить:

- Спасибо, спасибо вам большое... что вы... что вы это видите, что...

Я сбиваюсь, захлёбываясь словами.

Он не отвечает - сначала просто смотрит. Прищур. Уголок губ чуть приподнимается. Улыбка выходит не мягкой - знающей.

Сергей Сергеевич откидывается на спинку кресла, удобно устраивается, закидывает ногу на ногу.

- Я поговорю с ним.

О... Боже мой! Боже мой!

Под ложечкой немеет. Словно я стою на самом краю сцены, а под ногами - не просто оркестровая яма, а пропасть. И если сделать шаг... взлечу! Буду парить, буду парить как мама... я...

- Вы... вы правда хотите за меня... - запинаясь, сглатывая ком, - заступиться?

- Да.

И всё. Меня отпускает. Я взлетаю. Вся тяжесть, весь стыд, все разговоры про «вас сюда протолкнули против шерсти» вдруг теряют вес. Да, протолкнули. Да, я это понимаю. Но если теперь, «после этого», мне дадут шанс доказать, что я сама чего-то стою? Я хочу этот шанс! Я очень хочу этот шанс!!!

- Я... - по-детски глупая улыбка сама растягивает губы. - Я не знаю, как вас благодарить... Честно. Я... я буду работать, я не подведу, я...

Он молчит. Снова чуть глубже откидывается в кресле, медленно поворачивает голову, разглядывая меня. На лице - ироничная улыбка. Понимаю... я тут расплылась, а он... он взрослый и просто переживает.

Господи, я хочу обхватить весь мир и кружить! Кружить!

Теперь всё будет иначе. Всё иначе! Обещаю.

Я не подведу... никогда-никогда не подведу!

Глава 3

Утро... Театр в такое время ещё только-только просыпается. Люди искусства любят спать... кто бы что не говорил.

Идя по коридору, слушаю свои собственные шаги, внутри продолжает расцветать. Не могу перестать улыбаться. Такой подъём невероятный.

Сворачиваю к гримёрке, юркаю в приоткрытую дверь и застываю на пороге. На моём столике, среди заваленных пудрой баночек, расчёсок и помятого блокнота Эли, стоит огромный букет ромашек... крупных, красивых, пахучих настолько, что чувствуется даже тут, на пороге.

- Ничего себе, - тянет Света, выглядывая из-за моего плеча. – Твой или наша пучеглазка кому-то приглянулась?

- Не знаю... - растерянно шепчу, медленно двигаясь к столику.

- Ну, так посмотри, карточка для этого есть, – хохочет, кидая свою сумку под стол.

Потянулась и как была, с огромными глазами, так и развернула её, чтобы увидеть:

«Самой красивой Диане»

Щёки вспыхнули. Это мой... не Элин, а мой!

- Ну чё там? – перегнулась через меня Марина, а увидев, захлопала в ладоши: - О-о-о, поздравляю с боевым крещением.

- Началось... - закатила глаза Жанна.

- Просто цветы...

- Угу, - усмехнулась в ответ, меланхолично натягивая гетры повыше. - Не раздевайся, детка, до белья... как минимум сразу.

- Жан... ну может замуж выйдет, - кричит Света. – Не завидуй там.

- Да, конечно. А-то ты не знаешь. В койку только сразу. Замуж, ха-ха-ха, и ещё трижды «ха». Потягают по ресторанам и прямой наводкой на простыни. Не строй из себя святую невинность, тоже мне.

- Ну и стерва ты, Жан, - возмутилась Марина.

- Пусть знает. А-то запудрят мозги молодой девке. Ты посмотри на неё, у неё на лице всё написано. А им того и надо. Подарил букетик и всё, в трусы сразу.

- Гамина как-то вышла. – вступила в спор Настя.

Жанна закатила глаза.

- Одна из сотни. И то...

Дальше пошли дебаты на «тему», а я... я просто смотрела на букет и внутри... Боже мой, там патока сладкая. Они такие красивые, самые красивые... беленькие, большие, очень-очень вкусно пахнущие.

Я не стала никому рассказывать, кто даритель, что мы обсуждали... Это моё. Слишком хрупкое, слишком личное, чтобы вытаскивать наружу. Они про постель, ещё про что-то, а мне смешно. Какая постель? Я ему в дочки гожусь. Это просто подарок... поддержка. Очень приятный, увесистый, но всё-таки безумно милый подарок. Не какие-нибудь пошлые красные розы, от которых тут дышать после спектакля нечем, а ромашки. Чистые ромашки...

Наклонилась над букетом, вдохнула глубже.

Как же я тебя домой понесу, такой огромный...

Широко улыбнулась, чувствуя запах поля, детства с редкими днями, когда мама ещё была дома, а не в гастролях.

- Дианка, давай, переодевайся... - добродушно поторопила Лиза, потрепав по плечу. – Потом насмотришься, ещё надоест таскать домой охапками.

- Да, давайте. Сегодня первая общая, Романов съест за опоздание. – буркнула Лида, как всегда, сощурившись до самых не могу.

Романов.

И словно по сигналу, перестала улыбаться, проваливаясь всё дальше и дальше. Мгновенно собралась, бросившись переодеваться.

Романов - это почти бог. Художественный руководитель балетной труппы, хударк, хозяин судьбы, называйте как хотите. Высокий, сухощавый, с вечно усталым лицом, на котором усталость не мешает презрению. Про таких говорят: «он сделал не одну карьеру» - и не одну сломал... тут тоже правда.

И так получилось, что пока я разглядывала цветы, шла по направлению в зал самая последняя. Да какой там шла, я уже бежала. И Бог его ведаёт как, но в какой-то момент услышала командное:

- Вольнская.

Мгновенно остановилась, оборачиваясь назад.

Романов...

- Да? Здравствуйте... - у меня сразу во рту пересохло.

- Зайдите на минутку, - кивнул в сторону своего кабинета.

Послушно пошла, судорожно ища оправдания. Не знаю за что... за всё!

Внутри кабинета пахло бумагой, старым деревом и кофе. На стене - афиши прошлых постановок, среди которых в нескольких местах мелькали знакомые лица ведущих балерин как современности, так и прошлого, гранд пластинки для декора, огромная плазма, статуэтки, грамоты...

- Начинаем сборы по «Жизели», - сказал без предисловий, закрывая за собой дверь. - Сегодня на классе будет небольшой смотр.

Закивала. Жизель - это очень трудоёмко и красиво.

- Понимаю.

- Вот как раз насчёт «понимаю»... - хударк прищурился. - Твоя задача - работать так, чтобы у меня не осталось вопросов, зачем ты здесь.

Сердце ухнуло.

- В смысле, вы...

И слов не осталось. В груди дёрнулось ещё раз.

Меня хотят попросить, да? Всё? Это всё?

Горло перехватило болезненным спамом.

- В прямом, - тихо выдохнул, потёр переносицу и вдруг сказал: - Покажи потенциал. Я хочу его увидеть. Не теряйся, не сворачивай ключицу, держи лодыжки. Поняла?

По спине пробежал осязаемый холодок.

- Всё поняла?

- Да, - выдавила. - Я всегда выкладываюсь на классе.

- Сегодня - не «как всегда». Сегодня - лучше.

Он ещё пару секунд смотрел на меня, а после жестом отослал из кабинета. Я не вышла – пробкой вылетела. Сердце в груди зашло по орбите.

Не теряйся... Легко вам сказать. Я всю жизнь именно этим и занималась. Пыталась.

Конечно, буду стараться! Я очень-очень буду стараться! Я же не дура, понимаю, что сегодня будет смотреть особенно пристально и возможно, у меня будет чуть-чуть более лучшая позиция. Очень на это надеюсь.

Спасибо Сергей Сергеевич, вы мой ангел хранитель. Самый настоящий...

В зал забегаю в тот момент, когда все сосредоточенно делают видимость, что разминаются. Я естественно... не успела, блин.

Длинная солнечная комната, запах канифоли, потёртый паркет, разохшиеся, но родные деревяшки станков. В зеркале - десятки отражений в купальниках, колготках и с пучками. Можно хвост, но если что... это будет первое, за что ты получишь по первое число... или в том числе, как пойдёт.

Романов вошёл следом и разговоры стихли. Рядом с ним показалась его личная помощница, Галина Валерьевна, с извечным блокнотом, на страницах которого хочет быть любая из нас. Не просто на бумаге, а во второй части, там где тот самый, красный список...

- Сегодня класс как обычно, - сухо заявил, проходя мимо. - Но внимание: по итогам я решу, кого буду смотреть на «Жизель». Первая, вторая, корд - всё сегодня. Не устраивает - двери знаете где.

Послышался нервный шорох. «Жизель» - не просто спектакль, это «Спектакль» с большой буквы. Туда рвались, грызлись, мечтали попасть хотя бы во втором составе, в любом куске корда, просто чтобы стоять под этой музыкой. И мой взгляд сам собой скользнул вправо, к Аделине Рычковой. Прима... Высокая, что как бы не плюс для всех кроме неё, тонкая до прозрачности, с идеальной шеей, с презрительно приподнятыми бровями, которые не опускались даже в обычной жизни. Она лучшая - и она это знает. Её имя прописано крупными буквами на афишах, ей носят отдельно воду, за неё трясутся репетиторы, и вокруг неё всегда витает слово «незаменимая».

Аделина ловит мой взгляд и медленно, демонстративно изгибает идеальную бровь. Увожу глаза. С ней ни у кого не складываются отношения. Жанна пусть и резкая, но эта... как есть стерва.

- Начали!

Хлопает в ладоши Романов, и я перехожу в рабочий режим.

Плие, батманы, ронд де жамб - всё, как всегда, но внутри меня несло, как во время сильного адажио - каждое движение жгло. Я чувствовала, как стекает пот, как дрожат мышцы, как лодыжки ноют.

Не экономить... экономить нельзя!

Вытягиваю стопу до боли, тяну колено до хруста, держу спину так, будто к макушке привязали ниточку, и кто-то невидимый тянет её вверх. На середине, когда мы перешли к аллегро, Романов стал ходить по залу, останавливаясь то возле одного, то возле другого. У кого-то поправлял руку, кому-то мимоходом бросал: «Мягче» или «Выворотнее». («выворотнее» - профессиональный балетный жаргон. прим. автора)

Ко мне он не подошёл ни разу.

Это обычно означало одно из двух: либо ты его полностью устраиваешь, либо он тебя вообще не видит. И раньше я всегда была уверена, что второе. Сегодня хотелось верить в первое.

- А теперь - маленькие вариации, - сказал наконец. - По одной. Пошли, пошли! – сопровождая команду, оглушительным хлопками ладоней.

Воздух в зале стал плотнее.

По одной...

Это уже не просто класс. Это - «смотри».

- По очереди, - Галина Валерьевна зачитала фамилии. - Девочки, стандартная комбинация, музыку знаете.

Комбинацию знали все: выход, несколько связок, хороший прыжок и закончить красивой позой.

Ну, и чем тут выделиться?

Меня назвали, где-то в середине списка.

Пока другие выходили, я стояла сбоку, прокручивая и прокручивая в голове каждое своё движение. Мы это делали... но я себя чувствую так, словно это первый экзамен, и я падаю через шаг.

Страшно до ужаса.

Аделина танцевала безукоризненно. Чётко, уверенно, с отточенным профессионализмом, который так и кричал: «Я уже всё доказала». Она делала комбинацию так, будто ей, в принципе, плевать, смотрят на неё или нет. И это было выше конкуренции.

- Хорошо, - коротко бросил Романов.

И очередь дошла до меня.

- Волынская.

Вышла на середину, замерла, чувствуя, как ноги предательски стали ватными.

Плохой знак... очень-очень плохой.

За спиной ряд девчонок, сбоку Аделина смотрящая на всё и вся с нескрываемой ленцой, впереди Романов - руки за спиной, лицо каменное.

Господи, пожалуйста, помоги...

Музыка.

Первые ноты сразу под кожу, напрямик в сердце. Вдох. И всё, пошла.

Шаг.

Выход.

Давай, Диан, всё будет хорошо, ты сможешь, ты всё сможешь!

Покрытие под ногами отзывается лёгкими толчками.

И ты тоже помоги...

Руки, выверенная линия, кисти, пальцы...

Я – выше этого. Я внутри. Я снаружи. Я везде.

Вдох и движения, от которых зависит вся моя карьера.

Не считаю связки, живу ими. Вращение – мир размылся. Выход из поворота – в музыку. Воздух режет уши, пытается тормозить, но я отрываюсь. Прыжок. Доли секунды, те самые доли, за которые полюбила балет... земля уходит из-под ног, зависание в воздухе.

Я сильнее гравитации, я вне времени...

Ноги касаются пола, в груди вспыхивают искры. Всё.

Заключительная поза: грудь вперёд, подбородок в идеальном положении, взгляд -прямо.

Удар сердца. В ушах гул.

Тишина.

Никакого шороха, никакого вздоха. Только моё учащённое дыхание и далёкое тиканье часов у окна.

- Угу, дальше.

Вернулась в строй, чувствуя, как наизнанку выкручивает, и одновременно с этим – пожар в груди.

Просмотр продолжился. Кто-то сбился, кто-то переусердствовал, кто-то делал всё верно, но скучно. Мы знаем друг друга, ничего не происходит нового... большинство подтвердило свои места, едва ли будут рокировки.

Будет ли что-то у меня. Не знаю, правда. По нашему худруку ничего не понятно.

Когда все закончили, Романов что-то коротко сказал Галине Валерьевне, та быстро пролистала свои записи. Потом он повернулся к нам.

- Спасибо. Итак, по «Жизели»... Точнее, по первой партии...

Не сговариваясь все вытянулись, я так и вовсе дыхание затаила.

- На просмотр беру Аделину и, пожалуй, Диану.

Шок.

- Чего, блять? – неверяще шепчет Марина. – Динка, ты слышишь? – толкнула плечом.

Я не слышала, я... Аделина, она же ведущая солистка, её место незыблемо... она же...

- Простите?

Романов с Аделиной скрестили взгляды как шпаги.

- Что-то не расслышали? Мне повторить?

- Да нет... всё, – едко, хлётко.

Тихий гул... Девчонки переглядывались, кто-то шёпотом произносил мою фамилию, что-то откровенно злорадствовал, искренне ненавидя нашу солистку, а Аделина ни слова более не сказала.

- Далее, - продолжил Романов, делая вид, что не замечает переполоха. – Остальным... составы объявлю позже. На сегодня всё.

Они все двигались на выход, а я стояла... и не могла поверить. «По первой партии» - это значило только одно: «Жизель».

Меня всерьёз будут смотреть на «Жизель»!

Не может быть... не может быть!

Через час, когда первая волна шока улеглась, и народ разбрёлся по домам, я всё ещё ходила, как в бреду.

Руки дрожали, но сердце... сердце пело. Как же оно пело. Если не «Жизель», то это уже признание – это уже выигрыш.

Девочки всю дорогу перешёптывались, кто-то под кожу пытался залезть, но в основной массе злорадствовали – время королевы проходит. Я шла по коридору с бутылкой воды в руках, стараясь не споткнуться, насколько сильно раскрутило на эмоции. И я бы дальше витала в облаках, не услышь, как звонко стучат каблучки по полу.

- Диана.

Обернулась, уже точно зная кого увижу. Она выждала... специально подловила и... я не была готова. Не ступевалась и не забилась, но внутренне готова не была.

Аделина нагнала достаточно быстро, обдала запахом приятных духов и остановилась напротив. На лице - выражение величайшей скуки, которое где-то там, под толщей льда ничуть не прикрывало истинного положения дел. Она возненавидела. Просто возненавидела и всё.

Уголок её губ дёрнулся в усмешке - сухой, безрадостной.

- Ты знаешь, как это называется?

- Как?

Аделина приблизилась на шаг, чуть-чуть наклонилась вперёд, смотря исключительно в мои глаза:

- Это называется - мериться хуями, - сказала, а глаза скользнули на мои ромашки, которые с трудом, но всё-таки держала в руках.

Подавилась воздухом.

- Я ничем не...

Она усмехнулась, а я так и не закончила - не смогла.

Аделина, приподняла подбородок, поправила идеальный воротник рубашки и пошла дальше, оставляя меня в одиночестве.

Я не дура, всё прекрасно поняла. Она только что обвинила меня в протезировании. Внутри, по этому поводу, вскипела ярость. Да что там вскипела – вспенилась вся!

Да пошла ты! Может быть дело в том, что ты уже не такая звезда?! Нет, не думала об этом?!

Прискакала она тут, «фи» своё высказать. Иди вон давай, цокай дальше.

Внутри мелко задрожало – смешивая ярость, усталость и убойную дозу адреналина. Захотелось нагнать её и хорошенько вмазать! Сука злая.

Пришлось идти насильно успокаиваться в туалет. Не знаю сколько простояла времени, но умыться и подумать хватило с лихвой. В общем, из театра выбегала на крыльях, таща с собой корзину ромашек до такси. Дорого – но сегодня можно.

- Ух ты, какая красота, - высказался дедушка-таксист, поправляя фуражку.

Заулыбалась.

- А я думал, такие уже сейчас и не дарят.

- Дарят... - сказала, опуская глаза на цветы.

Мои хорошие, мы не просто домой едем, мы везём невероятную новость.

Забегаю в подъезд с широченной улыбкой и ровно с такой же открываю дверь в квартиру, вдыхая полной грудью.

- Бабуль, это я, - крикнула, на ходу скидывая ботинки.

- А кто ж ещё, - отозвалось из кухни, с привычной насмешкой. - Ввалилась, как буря.

Побежала к ней.

Бабушка обнаружилась у плиты - в идеально выглаженном сером платье ниже колен, с тонким поясом. Волосы, как всегда, собраны в аккуратный пучок, ни одного выбившегося локна. Бабушка никогда не позволяла себе быть растрёпанной, даже когда жарила картошку.

Как только ставлю корзину на пол, бабушка повернулась и замерла – смотря исключительно на цветы.

- Это... что это у тебя? – голос молниеносно стал суше и выше.

Бабуля, блин... не о том ты думаешь.

- Цветы, ба.

Да уж не капуста...

- И кто там расщедрился на ромашки в оптовом количестве.

Пропускаю иронию мимо ушей. Бабушка – такая бабушка.

- Бабуль, меня... меня сегодня Романов взял по первой партии на просмотр. На «Жизель». Ба...

Бабушка удивлённо вскинула брови, а я закивала, подтверждая.

- Как... это - на «Жизель»?

- Да-да-да! – запрыгала на месте. - Не в корд, не в третью связку, не «поиграть в подтанцовку». По первой. Меня и Рычкову.

В любимых, знакомых с детства глазах промелькнула гордость. Не смогла удержать улыбку – кинулась обнимать.

- Очнулись, ты смотри. Да не прыгай, Диана. – прикрикивает.

Смеюсь. Она не ругается – так, напускное. Отпускаю и по кухне кружусь.

Это самый лучший день в моей жизни. Самый-самый лучший!

- Прозрели значит...

- Да, Романов отбирал.

Бабушка ещё больше приподнимает бровь.

- Ну и хорошо, Алёша мог, в его духе. По молодости такой же авантюрист был.

- Ну, ба... - укоризненна шепчу, качая головой.

Вот может она из радости вынуть и водой окатить...

Бабуля вздохнула, опёрлась рукой о стол и посмотрев в мои глаза со всей строгостью начала:

- «Жизель» - это не игрушка. Либо ты там есть, либо тебя нет вовсе. Полутонов не предусмотрено.

Поджимаю губы. *Да знаю я... знаю.*

- Я рада, милая, я рада, просто не ожидала. Ты у меня большая молодец, но в моё время, тебе было бы рано.

Вот хоть стой, хоть плачь.

Опустилась на стул. Я думала она порадуется, а она...

Слёзы накатили, но я отвернулась – попыталась спрятать. Бабушка напротив села, за руку меня взяла.

- Меня там уже столько нет, а ничего не меняется, как было, так и движется. – выдохнула.

- От кого букет скажешь?

- Меценат. – и соврала зачем-то, – всем дарили, вот мой...

- Хорошо... - продолжила примирительно. - Поставим в гостиной?

Кивнула и утатила, чувствуя, как вне внутренности кислотой обдаёт.

Никто от души не порадовался, бабушка и та нашла к чему придраться, хотя это она кричала, что кордебалет для меня слишком низко. Впрочем, по первой - высоко... это я и сама понимаю.

Глава 4

Романов объявил составы через два дня.

Уже основательно уставшие, мокрые, с мыслями о доме, мы выстроились в одну шеренгу, готовые внимать всё, что он скажет. В воздухе витала канифоль, смесь лёгких духов и ещё чего-то тяжелого... адреналинового.

- Итак, по «Жизели», - проговорили, неспешно листая блокнот.

Задержка дыхания, сумасшедшее биение сердца и его слова, сказанные с растяжкой:

- Первая партия. Жизель. Первый состав... - пауза, во время которой я... кажется немного умираю, - Диана Волынская.

Толчок в грудь, мир прыгает перед глазами.

Что?

На секунду тело теряет опору, кто-то ахает, кто-то тихо, едва различимо матерится.

- Второй состав - Аделина Рычкова.

В зале повисла тишина. Сглотнула, отчётливо слыша, как медленно оседает пыль...

Я... я точно жива? Я...

- Мирта. Первый состав - Аделина Рычкова. Второй... - дальше уже не слушала.

Кровь хлынула потоком, да таким мощным, что перед глазами поплыло. Слова превратились в гул, размазались.

Жизель... Первый состав - Диана Волынская...

Волынская.

Я...

Дыхание срывает куда-то в пропасть, пальцы до побеления сжимают станок.

- По вторым и корду - составы вывесят на доске, - закончил Романов. - На сегодня – всё. Спасибо.

Дальше что-то говорили про: расписание, время репетиций, распределение залов, но для меня всё это шло фоном. Внутри был оглушительный крик:

Я – Жизель! Первая партия... Боже мой! Жизель!

Касания десятков глаз - одобрительных, завистливых, колких, просто любопытных - всяких. По коже ползли мурашки.

Романов вышел, а ко мне повернулась Света. Бесцеремонно ткнула локтем в бок и быстро зашептала:

- Волынская, ты маленький революционер что-ли? Смотри, зажмёт тебя в углу. Ты там хоть ори громче, может поможет кто. Я не шучу, она может.

Мгновенно нашла глазами Аделину. Она стояла у двери. Холодная, собранная, по лицу не понятно, о чём думает. Думает и смотрит на меня.

Не отвела взгляда. Не хочу и не буду бояться. Аделина не станет зажимать – такое для неё слишком низко, а она у нас голубых кровей. Да... в трупке я такая не одна. Так вот, она не станет, не захочет мериться этим. А вот сделать мою жизнь невыносимой в коллективе, несмотря на то что её особо никто не любит – вполне себе.

И, не говоря ни слова, Рычкова отвернулась и вышла из зала, чем очень порадовала Нинель с Дашей. Закатали глаза, громко смеясь. Громко, показательно, специально проходясь по живому.

Ладошки вспотели. Заколотило, до самых костей пробрало. И именно в этот момент я поняла, что просто так уже не смогу. Рванула из зала. В крови гудело, кипело, намеревалось прорваться наружу. Ноги несли вперёд, практически не разбирая дороги. Коридор, лестница, пролёт, ещё один и ещё...

Жгучее, неудержимое желание - прямо сейчас увидеть его лицо, услышать его спокойное «ну, я же говорил», почувствовать, как цепочка замыкается: он пообещал - и вот, вот оно!

Я не сплю, я не сплю! Всё правда... Боже мой, всё правда.

Административное крыло - сразу направо. Под самый конец задыхаюсь, но не останавливаюсь – нет, перехожу на быстрый шаг. Поворот, нужная дверь и... и осознание краха – закрыто.

Дёрнула ручку повторно - заперто. Постучала, отошла на шаг и замерла, во все глаза смотря на дверь директора.

- Тебе кого? Чего тарабанишь? - высунулась из соседней двери женщина в вязаной кофте.

- О-о-о... простите. Сергей Сергеевич... его тут нет? - выдохнула, едва держа баланс в теле.

Женщина нахмурилась, оглядела со всех сторон, нахмурилась повторно.

- Не знаю... Он тут не сидит, кажется...

- Спасибо. – поблагодарила, уводя глаза в сторону.

Дверь в бухгалтерию закрылась, оставляя меня в тишине коридора совершенно одну.

Постояла ещё немного, уставившись на закрытую дверь, как дура.

Ну и зачем бежала?

Связи с ним не было - ни номера, ни мессенджера, ничего такого...

С чего это я решила, что он меня тут сидит и ждёт? Совсем рехнулась...

И пошла я обратно – медленно, долго, совершенно бездумно.

Хотела, называется, «спасибо» сказать...

Дальше дни потекли по какому-то особому сценарию вселенной. И если я до этого думала, что уставала, то я просто не знала, что такое устать по-настоящему. Наивная...

Алексей Викторович, именуемый мною исключительно как Романов, никогда не был гением, он славился скорее как крепкий первый – то есть отработывал телом и сейчас... он решил отработывать мной.

- Диана, остаётесь, - сказал после очередного класса, дождавшись, когда выйдет последняя балерина.

Замерла. У меня не было грандиозных планов на вечер, но такого приказного тона с его стороны я не ожидала.

- Сейчас?

- А когда, по-вашему, мы будем делать из вас Жизель? На диване у бабушки этого сделать не получится. Или вы другого мнения? - приподнял одну бровь.

Мгновенно почувствовала себя идиоткой.

- Конечно, - активно закивала, похоронив на несколько часов мысли про отдых.

- Через пятнадцать минут подойдите в малый зал.

Алексей Викторович легко развернулся и ушёл, а я в спину ему смотрела, покусывая губы.

Малый зал. Никто туда обычно не заходил без надобности: окна выходят во двор-колодец, света мало, пол чуть более скользкий, чем мы привыкли. Ещё и далеко от всех основных помещений... Надеюсь, он меня там не прибить собрался, пока никто не видит.

Пошла поменяла майку, попила воды, позвонила бабушке и откровенно волооча ноги побрела в сторону малого.

Зашла, оглянулась по сторонам. Пятнадцать минут не прошло, но мне почему-то показалось, что он хотел раньше отделаться.

Ладно... куда деваться теперь.

Села на пол.

Заниматься с Романовым индивидуально – роскошь, невероятный подарок. Но у меня нет радости – комкает внутри. И я знаю почему... чувствую по его взгляду. Который никогда не останавливается на ком-то конкретном. Я чувствую себя так, как должен чувствовать человек, который понимает, что занял чужое место.

Неужели заставили? Не знаю, способен ли Сергей Сергеевич такое сделать, но факт остаётся фактом, напротив моей фамилии чётко прописано кто я и что я в будущем спектакле...

Аделина лучше танцует. Каждый класс это подтверждает – между нами необъятная бездна и она ширится...

Моя мечта сбывается на глазах, но радости от этого нет - только какая-то насторожённая. Я боюсь не справиться, бесконечно вспоминаю глаза бабушки и разговор в полутьме кабинета директора. Сергей Сергеевич пропихнул меня против шерсти. Это очень обидно, но это так. Никто из-за этого не собирается относиться ко мне лучше - я тоже это понимаю. Слишком хорошо понимаю.

И стыдно... очень-очень стыдно.

Но не попробовать я тоже не могу.

А что, если это мой шанс, что если получится...

Не знаю, сколько прошло времени, я вернулась в реальность только тогда, когда вошёл худрук. Выглядел он примечательно: спортивные штаны, обычная хлопковая майка какого-то светло-зелёного цвета и, как венец, - под мышкой партитура с потрёпанным жизнью блокнотом...

Встала у станка, по привычке переходя в режим разминки. На автомате начала делать, а он, внимательно посмотрев в мои глаза, начал:

- Жизель - это не просто «прыгнула-улыбнулась». Это голова и характер. Вы танцуете неплохо, но пусто. Не хватает.

Опустила глаза. «Пусто» больно кольнуло в самую подкорку, но это гораздо лучше чем: «вы – бездарность».

- Будем работать, - добавил чуть мягче. - Начнём с вариации первого акта. Покажите, как вы её понимаете.

Кивнула и пошла делать, ещё не зная, что это не начало – это самая сердцевина того жернова, в который меня затянуло. Да что там затянуло... вышибло из одной вселенной и насильно впахнуло в другую.

Я перестала ощущать дни по отдельности - всё смешалось. Утро – класс, днём - общие репетиции, где мы с Аделиной по очереди выходили в центр на куски «Жизели», и зал буквально звенел от напряжения, когда называли: «Рычкова», «Вольнская». А вечером, когда остальные стягивали с мокрые купальники и натягивали тёплые штаны – начинался мой личный ад: малый зал и Алексей Викторович.

«Диана, остаётся» - стало звучать чаще, чем «доброе утро» от моей родной бабушки. Иногда он даже не смотрел на меня, просто кидал через плечо, будто само собой разумеющееся... И только попробуй опоздать... только попробуй! Алексей Викторович общался с нами исключительно на «вы»... но если он лютовал – можно начинать подыскивать себе другое место.

Наши дополнительные тренировки проходили плюс – минус однотипно. Я выходила в центр, он включал музыку. Я шла - шаг, ещё шаг. На третий - икру сводило судорогой. На пятый - казалось, что воздух уже не помещается в лёгких, но останавливаться было нельзя, как и сегодня... как и всегда!

- Стоп, - громко, почти оглушающе. - Вы сейчас что делаете?

- Жизель... - выдыхаю, незаметно пытаюсь покрутить ногой, чтобы снять напряжение.

- Нет. Вы сейчас считаете шаги. А вы должны влюбляться. Каждый раз. Сначала - в него. Потом - в саму жизнь. Ещё раз, с начала. Это не подходит.

Снова...

Выход. Тот самый - девочка из деревни, солнце, ветер, барашки облаков сверху. Два лёгких прыжка, поворот, поза. Я старалась не просто «сделать правильно», а прожить: представить, что там, за кулисами, стоит Альберт с охотничьим ружьём и глупой шляпой, что сердце бьётся чаще не потому, что пульс зашкаливает, а потому что у меня в груди - самое щемящее, щекочущее чувство любви...

- Лучше, - кивает Романов. - Но не верю. Продолжим.

Я снова шла в диагональ. Шаг, пассе, маленькое прыжковое, улыбка - не «для зала», а такая, чтобы самой поверить, что мир в этот момент кончается в деревенском круге, в домиках, в дурацкой юбке!

Дальше шёл второй акт.

Там уже не было ни солнца, ни сараев, ни людей. Там были виллисы, кладбище, туман и затягивающее, ледяное «после всего». Свет гасил воображаемую деревню, и я оказывалась на белом полу, под белой стеной, в тишине, которую условно называли лесом.

- Не делайте трагическое лицо, пожалуйста, - резко останавливает Алексей Викторович, в самый разгар, когда я тянула арабск так, что в пояснице прострелило. - Вы не в сериале, где надо показать «я страдаю». Вы уже за пределом страдания. Её там, живой, нет! Тело всё помнит, а ум - уже не здесь. Он там, наверху. Запомните. Глупая ошибка, - покачал головой. - Повторите.

И всё сначала...

Я падала на колени - в первых попытках грубо, тяжело, как будто меня действительно сшибала невидимая сила. Он морщился, перехватывал:

- Это не истерика. Это сдача. Вы не валитесь, вы опускаетесь. Как свеча, которую не тушат, а дают догореть. Ещё раз.

Я вставала и подавала снова... опять поднималась, делала бесконечный шоссэ, летела в прыжке так, что пятки касались задницы, а приземление отзывалось тупой болью в коленях.

Господи... как же было больно!

- Ещё, - спокойно прерывал, вынуждая зло выдохнуть. - Вы сели в прыжок, вы не довели его до конца. Виллиса не имеет права быть тяжёлой. Она - ветер, который режет. Она не валится на землю от усталости. Не подходит.

Она не валится, а я хочу увалиться кульком и помереть...

Иногда мне казалось, что он издевается, что ему доставляет особое удовольствие торопливо говорить: «Ещё раз» как только я начинаю думать, что вот сейчас-то получилось. Я ненавидела его - искреннее, честно, очень остро.

Он доводил меня о состоянии, когда мышцы переставали отзываться. На очередном жете я вылетела в воздух, а приземлилась тяжелее, чем надо - звук подошв о пол звучал глухо, некрасиво. Колени огнём жгло.

И как-то раз я действительно не выдержала... Согнулась пополам, отчаянно хватая воздух:

- Я не могу...

- Можете, - он даже не дал мне договорить. Никакого сочувствия, только профессионализм. - Я понимаю, в какой-то степени принимаю ваше нежелание платить за эту сцену.

Алексей Викторович сделал паузу, но глаз от меня так и не отвёл.

- А цена - ещё один раз. Вставайте.

Жестокий деспот!

Не удержалась, полоснула взглядом, а он вдруг улыбнулся.

- Ну вот, хорошо. Вставайте Диана и вытаскивайте чертей - покажите их мне. Я устал ждать, если хотите честно. Давайте! Давайте! Бурлить должно.

И кто бы знал, как я хотела сорваться, заорать ему: «Заплатите сами. Вы-то своё уже оттанцевали, а я тут просто помру сейчас!».

Но... сжимала зубы – поднималась и шла на исходную... тихо презирая его, зал, всю вселенную. Бабушка говорит, что балерина - это характер. Не знаю на что он меня как питбуля натаскивает, но чувствуется, что скоро я буду готова. Если не танцевать, то вцепиться ему в горло – точно!

- Вперёд, вперёд, время не резиновое.

Вдох, выход и поехали: шаг, ещё шаг. И снова - влюбляться. И снова - умирать.

Боль стала постоянной.

Утром я просыпалась и несколько минут лежала, не двигаясь, потому что тело казалось чужим. Пальцы ног не гнулись до конца - сквозь кожу проступали полоски от лент, под ногтями темнели кровоподтёки. Такого не было со времён училища, когда мы действительно стирали в самую кровь... Колени ныли так, будто я уже старая, как бабушка.

Иногда, когда я вставала из-за стола, у меня на секунду темнело в глазах - от того, как резко протестовали суставы. Поясница горела на постоянной основе. Ну и шея хрустела, куда без этого. Вишенка моя...

Я мазала ноги разогревающими мазями, обматывала их эластичными бинтами. Бабушка смотрела на это молча, не проявляла сочувствия, хотя я точно знала – ей жаль. Жаль просто потому, что я для неё родная. Ученицу она бы в жизни не пожалела. Бабуля у меня тот ещё...

- Потерпи, - сказала однажды, когда я вечером сидела на краю кровати и массировала икры, шипя от боли. – Тело очень скоро привыкнет. Алёша у нас всегда был хорош в подготовке.

Слушала, кивала. Мне было безумно больно, но впереди маячила цель, и она стала слаще всего на свете.

Что про атмосферу в самом театре. Ну, что сказать... усугубилось, вот что. Как-то раз, когда после общей, я ползла в малый зал, спросила:

- Почему мы скрываемся, как партизаны?

Я была на пределе: пот заливал глаза, волосы под сеткой слились в колтун, футболка промокла, хоть выжимай. Алексей Викторович повернулся, очень пристально посмотрел в мои уставшие глаза и ответил:

- Это называется «индивидуальная работа». Я не собираюсь устраивать из ваших репетиций спектакль для любопытных.

- Но мы всегда вечером... - не удержалась, намекая на то, что он меня прячет.

Но Алексей Викторович понял по-своему, ответив раздражённым:

- Днём у меня репетиции с остальными. А у вас - класс и общие. Когда, по-вашему, я должен заниматься лично вами? Ночью?

Ну и всё, я замолчала, потому что он, в общем, не особо-то и горит желанием. Делает, тратит время, но не горит - чувствую это. Впрочем, всё это не мешало им всем хорошо перебирать мои косточки в гримёрке. Я как-то раз нарвалась на такой разговор:

- Видела? Романов опять с Волынской сидел до ночи.

- Слушай, может он её потрахивает?

- Её? – удивилась Марина. – Её ветром сдует скоро.

- Говорят, что «Жизель» проплатили...

- Кто говорит?

- Какая разница кто? – вспыхнула Нинель. – Люди, блин!

И всё... я не стала заходить, пошла к кулеру, а потом, когда возвращалась обратно, по коридору шла так громко, что меня, кажется, слышно было за пределами здания.

Я уставала... безумно, слишком сильно... и как итог сорвалась...

Мы отработывали фуэте. Не из «Жизели», просто - акцент на устойчивость.

Круги, круги, круги.

- Раз, два, три... - ровно отсчитывал Романов, не повышая голоса.

На десятом меня повело, на двенадцатом - сбилась и вышла, едва удержавшись, чтобы не влететь лицом в пол.

- Стоп, - с холодной интонацией. - Это что сейчас было?

- Я... - голова кружилась, сердце долбило в уши, - я устала. Алексей Викторович... не могу.

- Устали... Значит, тренируем устойчивость в усталости, - безжалостно отрезал. - На спектакле вы тоже устанете. Или вы думаете, оркестр остановится подождать, пока вы отдыхаете?

Конечно, нет...

Удержала стон отчаяния, а он холодно, абсолютно ровно добавил:

- Ещё раз.

Слёзы застыли где-то в горле, но я их назад проглотила. Включилась музыка. Раз, два, три... На пятнадцатом я уже не чувствовала ног. На двадцатом - не чувствовала себя. Был только поворот и точка в зеркале, за которую я хваталась взглядом, как утопающий за палку.

- Стоп.

Рухнула на пол как подкошенная.

- Лучше, - сухая констатация. - Но работать ещё и работать.

Кивнула, чувствуя себя самым настоящим дном. И в этот момент поняла, что больше не могу. Не физически - эмоционально.

- Вы... вы понимаете, что вы со мной делаете? - сорвалось с языка.

Он посмотрел. Долго. Внимательно.

- Да, - ответил спокойно. - Я делаю из вас балерину. Настоящую. Вы не оставили мне выбора, и я не оставлю его вам. Идите домой, на сегодня всё.

Опустила голову.

Через пять минут я уже плелась обратно, желая только одного – упасть на что-то мягкое и закрыть глаза. Собирала вещи как в тумане. Переодевалась наощупь. Последние слова резали уши, но сил разбирать нет. Совсем.

Вышла из гримёрки, захлопнула дверь и медленно двинулась по коридору, прижимая к себе сумку. Если за мной погонится маньяк – убежать я едва-ли смогу.

Коридор встретил тусклым светом дежурных ламп и глухим эхом шагов. Театр в это время был другим - беззвучным, как самая глубокая пещера в мире. Все давно дома, одна я не знаю где найти живое место...

Мы творили искусство, но иногда искусство вытворяло с нами...

Вольное определение и бабушка такого бы не потерпела, с её классикой, но как есть.

Иду и думаю, что я стала старше. Лет на двадцать, как минимум. Да что там... я и света белого не вижу. И знаете что? Завтра я буду спать до обеда - в свой единственный выходной. Просплю к чертям всё, что запланировала, и комнату на ключ «случайно закрою». Очень и очень случайно.

Спустилась по лестнице на первый этаж, миновала потухший буфет, где на витрине скучал одинокий пирожок в целлофане, и потянулась к двери в сторону выхода, уже мысленно прокладывая маршрут: автобус, подъезд, душ, лёд на колени и мазь на ступни.

- Диана! – окликнули сзади.

Нет... пожалуйста... оставьте. Оставьте, бросьте меня тут... не хочу.

И всё-таки повернулась. Медленно, растянуто – как получилось.

У дверей, ведущих на административный этаж, стояла тётя Зина – наш дежурный администратор. Она у нас тоже – пучок на голове, макияж... театр же.

- А ты чего тут? – нахмурила брови.

- Простите?

Остановилась.

- Так, тебя же ждут.

- Меня? - моргнула, искреннее молясь, чтобы не Романов. Потому что, если он... я лягу тут.

- Ага.

Свела брови, уже намереваясь, вытащить телефон и посмотреть, нет ли пропущенных. Вдруг он до меня не дозвонился и решил тут перехватить. Странно... я через главный в такое время не хожу – через раз открывают... всегда через чёрный иду.

- Романов? – спросила, опуская глаза в сумку, активно шаря по дну.

- Алесей Викторович ушёл уже.

Замерла.

То есть, не он?

- Тётя Зин, а кто ждёт?

Глава 5

Дыхание перехватило, где-то под рёбрами сжалось в одну точку, а тётя Зина, пожав плечами, только сказала:

- Машина ждёт у служебного.

- Машина? – переспросила, недоверчиво вглядываясь в глаза.

- Ну да.

Нахмурилась, разворачиваясь к служебному.

Кто мог прислать? Меня никогда не встречали... да что там, у меня и знакомств таких нет. Хотя...

Вспышкой озарения пришла мысль:

Это Сергей Сергеевич, большие некому. Видимо хочет лично спросить. Это так по-доброму с его стороны.

Чувствуя прилив сил, пошла быстрее. Сердце в груди подрагивало, но было уже не страшно. Нечего бояться. Он сделал для меня благое дело и от меня лично не убудет, если я скажу «спасибо» глядя в глаза.

Чёрный автомобиль стоял совсем рядом с выходом. Зеркально блестящий бок, тонированные окна. Водитель в тёмной куртке и перчатках вышел сразу, как только я показалась в дверях.

- Диана Волынская?

- Да, - кивнула, подходя ближе.

- Садитесь, - сказал и открыл заднюю дверь.

Послушно скользнула на мягкое кожаное сиденье, ожидая, что он тоже тут будет, но нет... кроме меня и водителя никого. Машина плавно тронулась с места, аккуратно двигаясь по нашему лабиринту на основную дорогу.

Внутри пахло чем-то дорогим, непривычным - кожей, деревом, лёгким мужским парфюмом, не таким, как у наших артистов, - тяжёлым, резковатым.

- Куда мы?

- В «Бриоре».

Бриоре...

Один из самых дорогих ресторанов в центре. Я видела его только снаружи: тёмные окна, вход с золотистой табличкой, машины у крыльца - совсем другой мир. Моего имени в том мире не было, и я не надеялась, что когда-то появится. Никогда не стремилась к этому...

Поёрзала на сидении, сжимая ручки сумки. Я выгляжу не то, чтобы не для этого ресторана... скорее не для выхода в центр города, в общем. Как никогда сейчас поняла желание бабушки выглядеть на все сто. Даже дома!

На мне же ни грамма косметики, блин...

Удачное время, конечно... Еду вся мокрая, уставшая, замученная – ужас.

Огни города смазывались за стеклом, превращаясь в кляксы. Нервное напряжение внутри меня росло с каждым метром. А когда взгляд падал на отражение в стекле – я видела вовсе не балерину, а бледное лицо, растрёпанный пучок, уставшие глаза – какой-то оборванки с улицы.

Боже мой, куда собралась...

Выдохнула, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями.

Я еду к нему... тому самому человеку, который одной фразой поменял мою жизнь в лучшую сторону. Понимаю, Сергей Сергеевич заступился в память о маме, но какая сейчас разница, главное, что он это сделал! Это, пусть и не честно, но даёт мне огромный прогресс, буквально толчок.

Вместе с тем, моё отчаянное желание сказать «спасибо», медленно и верно трансформировалось в ничем не перебиваемое смущение. Я не умею просить... не потому, что гордая через край, а потому что не знаю, как это делать с пуленепробиваемым выражением на лице. Собственно, это же нужно сказать и о благодарности, её тоже нужно уметь правильно говорить.

Сжала пальцы и мысленно начала репетировать. Я когда к нему кинулась, хотела от всего сердца натараторить, а сейчас... сейчас эффект неожиданности отпадает.

Не знаю, как подступиться и с чего правильнее начать. Сказать слова благодарности нужно – необходимо, но как это сделать так, чтобы не выглядеть при этом сопливой девчонкой, я не знаю...

Господи, какой ужас.

Скоро двадцать, а я как в первый раз с женщиной заговорить планирую. Кошмар.

Доехали быстро, несмотря на то что город был загружен. Водитель Сергея Сергеевича маневрировал как рыбка, точно зная, где свернуть и через какой двор проехать, чтобы не застрять в потоке. И он же очень мягко притормозил у главного входа.

- Хорошего вечера. Вас встретят, назовите фамилию.

- Спасибо и вам тоже, - искреннее пожелала, выбираясь из машины.

Холодный ветер пощипывал щёки. Конец марта, всей страной ждём тепла, которое где-то застряло.

Прохожу внутрь, не забыв сказать: «спасибо» швейцару. Я может быть и не их круга, но воспитание у меня хорошее.

«Бриоре» оказался изнутри ещё более чужим, чем снаружи. Полированный тёмный пол, мягкий, приглушённый свет, тихая музыка вынуждающая понизить голос до шёпота.

Меня провели не в общий зал, а сразу вглубь, через коридор с кабинетами. Официантка в чёрной форме, почти не глядя на меня (или, наоборот, слишком уж аккуратно «не» глядя) всю дорогу улыбалась, а как только остановились у одной из дверей, быстро открыла и умчалась со словами:

- Вам сюда.

Зашла, огляделась. Никого... Никого и полутемно.

Небольшой столик, кожаный диван вдоль стены. На столе ведёрко со льдом, две рюмки, тарелка оливок, миндаля и ещё каких-то орехов.

Решила посидеть и подождать на диване.

Сумку положила рядом, руки пристроила на колени, сцепив пальцы, чтобы не тряслись. Время потекло.

Сначала я просто сидела, разглядывая узор на скатерти, слушала музыку, считала вдохи и выдохи - как на классе, когда надо успокоить разбежавшееся сердце. Потом достала телефон, проверила звонил ли мне кто-нибудь. Нет, не звонил...

Посидела-посидела, подумала и решила сама написать. Написала и стёрла. Бабушка не признаёт сообщения. Пришлось набрать и минут пять благоговейно врать, что всё хорошо, что я просто тут с девочками, что домой доберусь на такси, и чтобы она не ждала - спать ложилась.

Откинулась на спинку дивана, повспоминала общую тренировку сегодня и тот в какую ожесточённую перепалку Света вступила с Андреем. Господи, такие страсти были... Они рядышком танцуют, всё время так было, но ненавидят друг друга люто. В чём причина – мне неизвестно, но чувствуется, что не так-то всё и просто.

Время шло. Я поглядывала на дверь каждые несколько секунд, но она оставалась закрытой. Официантка и та заглянула всего один раз:

- Вам что-нибудь принести?

- Нет... спасибо, - отрицательно мотнула головой.

Пить или есть не хотелось вообще. В животе было пусто и тяжело одновременно, как будто туда положили мокрую губку для цветов.

Минуты тянулись вязко, как мёд. В какой-то момент показалось что про меня и вовсе забыли. Ну, мало ли, человек всё-таки занятой. Сидела, выжидала на каких-то морально-волевых, честное слово. Я не знаю, сколько прошло – двадцать, сорок... пока наконец не послышались уверенные шаги и дверь не распахнулась, являя Сергея Сергеевича.

Вскочила на ноги, как ошпаренная.

Наконец-то!

Он остановился в дверном проёме, а я почему-то зацепилась за тёмно-синий костюм, который сегодня сидел плотнее... ну или так всегда. Всё-таки мужчина крупный, возрастной.

- Здравствуйте, Сергей... Сергеевич, - сказала и улыбнулась.

Может быть немного нервно, может быть поэтому он осмотрел меня с ног до головы и в ответ не улыбнулся, а только слегка дёрнул уголком губ.

Диана... веди себя нормально! А-то подумает, что ты припадочная какая-то, тогда тебе не «Жизель», а сраный венчик сулить будут!

- Добрый, Диана, добрый... - сказал, закрывая за собой дверь. - Садись.

Опустилась обратно на диван. Спина выпрямилась сама, руки легли на колени, а на лице зависла лёгкая полуулыбка.

- Сюда, садись. – кивнул на кресло у стола.

Блин...

Пересела, стараясь совершенно никак не показать собственной неловкости. У этого мужчины подавляющая аура, я постоянно хочу не улыбнуться, а наоборот, отойти подальше. Желательно так, чтобы и видно меня не было.

Он сел напротив, неспеша плеснул себе в рюмку прозрачную... не знаю, что это, но явно алкогольное и пострел на меня. И пока я молчала, наполнил вторую рюмку, всего на секунду оторвавшись взглядом от моего лица.

- Как в театре? – будничным вопросом.

- Хорошо, - сглотнула. - Меня... меня утвердили по первой партии. – и тут же добавила: - «Жизель». Спасибо вам большое.

- В курсе. Отчитался уже.

- Я... - вдохнула глубже и наконец-то вытолкала из себя то, что хотела сказать все эти дни. - Я хочу поблагодарить вас. Если бы не вы...

Он улыбнулся. Не типично... не так как привыкла - он улыбнулся одним уголком губ, и я почему-то запнулась, почувствовав себя маленькой, никчёмной и совсем идиоткой вдобавок.

- Значит, - протянул, - хочешь сказать мне «спасибо»?

- Да, конечно, - всполошилась.

Кивнул, откидываясь на кресло спиной, смотря исключительно в мои глаза. Я - говорила, он - слушал, а в самом конце просто кивнул.

- Спасибо вам! – решила дополнить. - Я... правда стараюсь, я занимаюсь с Алексеем Викторовичем, он говорит...

- Я знаю, что он говорит.

Кивнула, понимая, что кажется перегнула со своим «спасибо». Но всё-таки... всё-таки закончить нужно было и я снова продолжила:

- Если бы не вы, этого ничего не было, от всего сердца вам благодарна. Спасибо огромное.

Сказала и выдохлась вся, как сильно в ушах застучало от перенапряжения. Я действительно благодарна, от звёзд и обратно. Бесконечно!

Внутри порхали бабочки – самые настоящие.

Но они вдруг перестали активно размахивать крылышками, когда я услышала короткое:

- Выпей.

Что?

Взгляд медленно сполз на рюмку, внутри что-то ёкнуло.

- Я... не пью, простите.

- Сейчас пьёшь. - холодно, безапелляционно, с нажимом.

Подняла глаза.

- Я после тренировки, устала и...

- Выпей, Диана, - давления в голосе стало втрое больше.

Сглотнула, снова смотря на рюмку.

Если грубо откажу это будет смотреться... это перечеркнёт всю ту благодарность, что я высказала и особенно ту, что испытываю. Безвыходная ситуация...

Прикусываю изнутри губы и всё-таки тянусь к рюмке. Полная почти всклень. Подношу ближе – водка. Меня такой обтирала, когда температура под сорок была.

- Смелее.

Господи... я никогда и не пробовала ничего тяжелее вина.

Закрыла, глаза, глотнула и тут же зашлась приступом кашля. Обожгло весь рот, всю трахею. Попыталась судорожно втянуть воздух и не смогла - из глаз брызнули слёзы.

- Ну вот, - не без удовольствия протянул Сергей Сергеевич, пока я задыхалась. - А теперь рассказывай, что там у тебя интересного.

Сфокусировала взгляд, чувствуя расплывающееся тепло в желудке. Да что там в желудке... в голове закружилось чуть сильнее, чем от фуэте.

Почти сразу вошла официантка, принесла еду. Расставила тарелки, пожелала приятного времяпрепровождения. Я молчала... молчала и смотрела на то, что принесли. Мы в ресторане, я всё понимаю, но я этого не заказывала, не смогла бы ни попросить, не оплатить.

Сергей Сергеевич, приподнял бровь, почти улыбнулся, кивая на тарелки. Вдохнула глубже, явственно чувствуя, как начинает двоиться. Водка на вкус была ужасной. Никогда больше не буду пробовать.

Передо мной оказался какой-то салат из листьев, с маленькими кусочками мяса и мандаринами. Листья блестят от соуса, мясо разложено - аккуратными полосками, мандариновые дольки смотрятся игрушечными. Всё это выглядело красиво, по-взрослому... и абсолютно не моим. К мандаринам я всегда не очень...

- Ешь.

- Я... - попыталась возразить.

Попыталась и утухла... Потому что он так посмотрел... как обжог. Взяла вилку, наколола лист салата.

А дальше, дальше вроде бы всё пошло нормально. Сергей Сергеевич ел и спрашивал меня про репетиции, Романова, бабушку и про мои дальнейшие планы как балерины. Я отвечала, иногда невпопад, иногда как-то совершенно несвойственно мне подхихикивая или смущаясь по-детски. Мне завтра за это будет стыдно, честное слово.

А потом, не знаю как, но тон поменялся. Сергей Сергеевич откинул салфетку в сторону, склонил голову вбок и пристально прошёлся по моему лицу. Мурашки выступили, я даже поёжилась, случайно смахнув салфетку со стола.

Боже мой, какое позорище...

Обмерла прям там – на месте.

Балерина, грация, изящество... куда всё делось?!

- Ты понимаешь, что сейчас ты стоишь там, где многие мечтали бы оказаться вместо тебя?

- Да, конечно. - согласилась.

Вот это-то я очень хорошо понимала. Гораздо лучше, чем он.

- Какая понятливая девочка... - протянул с усмешкой, вновь опрокидывая рюмку.

Я не считала сколько, но кажется, это уже не третья.

У меня не кружилась голова, ничего не мутнело, только тело... оно просто взяло и расслаблялось до состояния амёбности. Мне бы домой и спать... желательно без паров, бабушка

у меня чувствует, когда сосед пьяный домой возвращается... а если уж я заявлюсь. Страшно представить, что за скандал она учинит.

Я уже не держу спину прямо... я просто облокачиваюсь о спинку кресла, доедая салат. Он, к слову, был вкусным. Гораздо вкуснее чем на вид.

- Я... стараюсь. В труппе, мы...

Сергей Сергеевич усмехнулся.

- Не про это. – покачал головой, словно несмышлёному ребёнку рассказывает о том, что планета наша круглая. - Я про то, что мир не работает по принципу: «талантливый - значит, сразу наверху», - сказал и подался чуть вперёд, чтобы закончить. - Нужны люди, их поддержка...

Согласно кивнула и отвела глаза. Этот мужчина занимает огромное пространство. Он в возрасте, но ширина плеч, большие руки, взгляд от которого мурашки по пояснице ползут... в общем, меня это немного из колеи выбивает. Всё выглядит как-то странно, словно не так должно быть. Не так...

Я нормальная, пока в училище училась, на свидания ходила и всё-такое, но они все были моего возраста... С очень взрослыми не умею. У них и воспитание другое, и принципы. Чуть не то слово и всё. Бабушка моя тому пример, она не очень жалуется на новое веяние. Старая школа.

Пока я витала где-то не здесь - Сергей Сергеевич встал, дёрнул вниз пиджак, обошёл стол. Всё это время, что мужчина двигался, я... я смотрела и чувствовала себе ужасно некомфортно. Во мне и пятидесяти килограмм нет, это примерно раза в два меньше, чем в нём и... И мне протянули ладонь, предлагая подняться.

Проигнорировать жест... возможности не представилось. Я же говорю – другая школа. Мои сверстники после ужина фиг бы предложили даме руку, чтобы подняться, а тут...

Аккуратно убираю салфетку, вкладываю ладонь, которую тотчас обхватывают сильные мужские пальцы. Пульс начинает разгоняться. Это ужасно меня смущает. Да даже то, что он в костюме, а я в спортивном сизу.

Сергей Сергеевич, потянул вверх. Подчинилась. Запах парфюма стал резче, ближе. Сердце стукнуло в горле.

- Сергей Сергеевич... - начала я, и голос предательски дрогнул.

- Ты нервничаешь, - пальцы коснулись подбородка. – Неужели такой страшный?

Попыталась аккуратно высвободить ладонь – удержал. Не сильно, но очень решительно. Вскинула глаза, обжигаясь, потому что он подался навстречу...

- Такая красивая девочка... - пальцы заскользили по щеке, в ласковом поглаживании, зацепили губы.

Отпрянула. Не думая, не пытаясь быть вежливой – дёрнулась на максимум. Удержал. Сердце не просто прыгнуло, оно заметалось.

- Сергей Сергеевич, если вы...

- Тш-ш-ш...

Горло сжало.

Видя мои глаза, он лишь усмехнулся и потянул на себя, заводя одну мою руку за спину, прижимая к себе настолько плотно, что я почувствовала пуговицы его рубашки.

- Что вы делаете?

- Ну, что ты так испугалась. Я ничего плохого тебе не сделал. Я дал тебе дорогу, Романова, «Жизель», разве можно быть такой неблагодарной, маленькой сучкой?!

И из доброго дядюшки, он превратился в озлобленного монстра. По щелчку.

- Что вы... что вам... Отпустите, пожалуйста... - голос сорвался на тихий всхлип, ладонь соскользнула на горло.

Слёзы проступили, но так и не сорвались, он наклонился ниже, заслоня собой и так тусклый свет.

- Буду учить тебя...

И меня швырнули на диван.

Я не успела понять, подняться и хоть как-то извернуться - ничего не успела! Прижал меня собой, содрал резинку с волос - причиняя боль, а следом, намотал пряди на кулак, утыкая носом в обивку дивана.

- Нет-нет-нет! Не надо, пожалуйста...

Всё тело обожгло осознанием. *Это всё была не вежливость... всё это... это.*

Не услышал... сдёрнул штаны, бельё и... и я захотела сдохнуть по-настоящему в тот же миг, когда поняла, что он сейчас сделает. Голых ягодичек коснулся прохладный воздух, а следом ткань брюк. Мир окрасился в красный.

Короткий всхлип, звон пряжки ремня, давление на поясницу, обжигающе хлесткий удар по бедру и шёпот в самое ухо:

- Я научу тебя быть хорошей, кроткой и благодарной. – натянул волосы, выгибая меня дугой. – Поняла меня?

- Отпустите, пожалуйста, я никому не расскажу... я... не надо.

- Поняла или нет? – дернул ещё раз.

И я простонала, теряя нить реальности, от захлестнувшей боли:

- Да...

Поцелуй куда-то в шею – мокрый, скользкий... Дёрнулась в сторону. Усмехнулся и в наказание содрал с меня худи, а следом порвал тренировочный топ на спине. Попыталась прикрыться, волосы упали на лицо, обмотались вокруг шеи.

- Красивая... мягенькая...

В какой-то момент, я начала сползать на пол. Колени коснулись холодного пола, он не дал упасть, уложил на живот, завёл мои руки за спину, обхватил одной рукой запястья, пока вторая...

Захлёбываюсь рыданиями, а он... он начал гладить. Прижал меня животом к обивке и гладил... позвоночник, плечи, талию. Всю меня... абсолютно всю меня.

Я вырывалась, просила, умоляла, я... я задохнулась отчаянием.

Где-то за стеной кто-то ходил... кто-то, кто мог помочь... но я не закричала, я не смогла. Горло стянуло спазмом, ягодички жгло, а чужие пальцы сжали талию до хруста. Пока он, тот который в отцы мне годился, делал это стоя коленями на полу... Он делал это с тихим стоном удовольствия... а меня раздирало. Сначала морально, а чуть позже... когда ему показалось это мало и физически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.